

От ненависти До любви

**ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА**

ОХОТА НА ЛЕСНУЮ НИМФУ

От ненависти до любви

Дарья Кожевникова

Охота на лесную нимфу

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожевникова Д. С.

Охота на лесную нимфу / Д. С. Кожевникова — «Эксмо»,
2018 — (От ненависти до любви)

ISBN 978-5-04-094464-4

Покинув семью матери и отчима, Женька устроилась работать дворником в дом отдыха «Лесное озеро» и поселилась в крошечной сторожке. Ничто не нарушало ее уединения, и девушку это вполне устраивало. Но однажды ночью в ворота дома отдыха влетели на полной скорости два крутых автомобиля, и в парке завязалась перестрелка. Когда выстрелы стихли, Женька отважилась выйти из своей сторожки и наткнулась на раненого мужчину, на ее глазах потерявшего сознание. Его продолжали преследовать, и Женька спрятала незнакомца в куче осенних листьев, а потом перетащила в свое жилище. О том, что страшно рискует, она в тот момент даже не думала...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094464-4

© Кожевникова Д. С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

1	6
2	16
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дарья Кожевникова

Охота на лесную нимфу

© Кожевникова Д. С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Оформление серии А. Саукова

Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

1

Женька проснулась до сигнала будильника. Скопив глаза на циферблат, вытянулась под одеялом, наслаждаясь теплом и последними, а оттого самыми драгоценными минутами покоя. Собаки уже проснулись и выползли со своих мест и теперь лежали на полу перед кроватью, не сводя с Женьки глаз. Маленький бело-рыжий Тяпа, такой же бесхвостый, как и беспородный, массивный Туман, серая кавказская овчарка. Женька оглядела их сквозь опущенные ресницы, не давая знать, что проснулась. Иначе оба сразу вскочат и подбегут к кровати. Тяпа встанет на задние лапы, часто виляя обрубком хвоста и своеобразно покряхтывая. А Туман будет вилять хвостом не спеша и солидно, а еще начнет тыкать Женьку носом – он и на всех четырех лапах выше ее кровати. Их обоих можно понять: ведь для Женьки скоро начнется рабочий день, а для них обоих – прогулка, поэтому у них с хозяйкой совершенно разное отношение к последним спокойным минутам, предшествующим звону будильника. Они ждали, когда этот непонятный им механизм своим громким сигналом разделит утро на «до» и «после» так же, как Женька этого не хотела. Но он все-таки запищал, этот чертов предмет, разгоняя в доме тишину, вспугивая покой и восстанавливая в своих правах гнет повседневной рутины. Только что у Женьки было право выбора: она могла встать, а могла еще и валяться. А теперь железное слово «надо» уже диктует ей, как поступать. Надо вставать. Надо кормить собак. И надо идти на работу. Поеживаясь, Женька села, спустила ноги с кровати. Собаки тут же вскочили, призывно глядя на нее и словно бы спрашивая, как же она может медлить в предвкушении такого чудесного дня.

– Мне бы ваши заботы, – проворчала Женька и поплелась на кухню разогревать им завтрак. Жила она в маленьком служебном домике, уютившемся недалеко от ограды, в уголке обширного парка, окружающего дом отдыха «Лесное озеро». Всего две небольшие, почти кукольные смежные комнаты и кухонька, но зато какая красота за окном! Женька отодвинула занавеску. Озеро было уже за оградой парка, но из кухонного окна его можно было видеть почти как на ладони. Большое и круглое, похожее на чашу в живописном окружении поросших лесом холмов. Когда погода была ясной и безветренной, эти холмы отражались в озере, как в зеркале. Холмы и небо, сверкающее лазурью в водной глади. Но сегодня было пасмурно и ветрено, и вода была похожа на старую смятую фольгу – серая, с тусклыми проблесками на гребнях невысоких и частых волн. Осень все явственнее давала о себе знать, вступая в свои права.

Женька поправила занавеску, разлила овсянку собакам по мискам, привычно выбрала из Тумановой миски все косточки, скovyрнув с них пальцем в кашу кусочки мяса. Сама она никогда не завтракала, это вошло у нее в привычку. Да и не было у нее с утра такого аппетита, чтобы поглощать ту нехитрую снедь, которую она могла себе позволить. Жить самой и кормить двух собак – это было не так-то просто на небольшую Женькину зарплату. Приходилось выгдывать, выискивать в магазинах, где что подешевле. С полочки, выезжая на автобусе в город, она сразу на весь месяц закупала собакам овсянку и кости как самое главное, а потом уже перебивалась как получится. Надо ведь было иногда и одежду, и обувь покупать. Хорошо еще, что Женькины запросы в этой сфере были сведены к минимуму: джинсы и что-нибудь к ним, в соответствии с погодой. Иначе было бы еще тяжелее. Но Женька не заикливалась на своих финансовых трудностях. Когда по-настоящему проголодаешься, даже черный хлеб начинает казаться деликатесом. А все самые изысканные развлечения заменялись для нее походами в лес. Иногда вечером, после работы, а иногда и с утра, в те дни, когда не нужно было мести парковые дорожки – Женька работала в доме отдыха дворником, – она уходила в лес, за пределы парка. Не за грибами, не за ягодами, а просто так. В любое время года, только она и собаки. У нее было несколько своих тропинок, и она могла ходить по ним часами, то застывая над берегом озера, чтобы полюбоваться им, то замирая в восторге перед лесными пейзажами. Ложбины

с поросшими мхом валунами в мрачном окружении темных строгих елей, среди которых пробивался хрустальный ручей, достойные любой сказки, или стройные высокие сосны с янтарно-золотистыми стволами, растущие на крутом золотистом песчаном берегу, – все это никогда не приедалось Женьке. Более того, у нее были свои любимые деревья, с которыми она даже могла остановиться и поговорить. Они были для нее живыми, они были ее друзья. Единственные друзья, не считая собак. Женька явственно чувствовала окружающую их живую ауру, их расположение к ней.

Она и сейчас улыбнулась, вспоминая ощущение удивительного душевного тепла при встрече с деревьями, их дружеское прикосновение к своему сознанию. Туман, уже съевший свою кашу, вопросительно взглянул ей в глаза.

– Сейчас пойдем, – сказала ему Женька.

Она ласково провела рукой по пушистой серой шерсти Тумана, и тотчас же Тяпа поставил на нее свои лапы – после того, как у них в доме появился Туман, этот мелкий рыжий сорванец строго следил за тем, чтобы все, особенно хозяйская ласка, было у них поровну, и не возражал лишь тогда, когда неравенство было в его пользу. Туман же относился к Тяпиным причудам со снисходительностью большой, мудрой и не избалованной в прошлом собаки. Вот и сейчас, оглядев бунтующего Тяпу, он перекинулся с Женькой понимающим взглядом и затрусил к входной двери. И Женька, чуть поотстав из-за Тяпы, направилась следом, уже на ходу надевая куртку – день сегодня не обещал баловать теплом.

Когда они все втроем вышли на центральную дорожку, ведущую от ворот к особняку, под ногами зашуршали успевшие упасть листья, холодный ветер взметнул темно-русые Женькины волосы. Она отвела их с лица рукой. Будут сегодня мешать, подумалось ей. Но ни шапками, ни заколками она обременять свою голову не любила. Да и волосы ее, вьющиеся и шелковистые, мягкие и послушные с виду, тотчас же выбивались из любых оков, как бы она их ни скручивала. Женька уже не раз пыталась справиться с ними, а потом бросила это бесполезное занятие. Уж лучше откидывать их, чем останавливаться каждые пять минут для того, чтобы переплести. Меньше отвлекает от работы. А работы сегодня у Женьки было много. Хозяин приезжал накануне, чтобы предупредить, что на выходные весь особняк снова сняли какие-то толстосумы, и значит, все, в том числе парк, должно быть в лучшем виде. Придется основательно промести все центральные дорожки, сгрести с газонов листву. Оттого Женька и встала сегодня ни свет ни заря по будильнику, к радости обеих собак. Женька оглянулась, выискивая взглядом среди кустов Тяпу. Нашла не сразу – что-то вынюхивая, он залез в самые заросли так, что торчал только рыже-белый обрубок хвоста. Независимая личность, он никогда не убегал далеко, но всегда гулял так, как ему вздумается. Вот Туман – тот трусил чуть впереди Женьки, неся в зубах ведро. Работяга по своей натуре, он не любил праздной беготни по вверенной им с Женькой территории. В лесу – пожалуйста, а здесь он был не только другом, но и напарником во всех Женькиных делах. И она специально давала ему ведро, чтобы пес мог почувствовать свою значимость. Легкое, ничем не нагруженное ведро – это было все, что могла нести могучая кавказская овчарка. Потому что справа на нижней челюсти у него были выбиты два резца, клык и все ложнокоренные зубы. И край языка с этой стороны был весь в зазубринках, и переносица с легкой горбинкой, оставшейся после перелома.

Центральная подъездная дорога вывела Женьку с Туманом на широкий мощеный двор перед старинным особняком, переделанным в ставший очень популярным дом отдыха. Летом те, кто мог себе это позволить, жили здесь в основном семьями, по парку бегали дети, на озере было немало купающихся. А вот по окончании сезона дом отдыха нередко снимали на несколько дней ищущие развлечений и не привыкшие считать деньги субъекты, приезжающие сюда на дорогих иномарках уже без семей. Они появлялись здесь, почти все как один, чтобы «на природе» (то есть в парке) жарить шашлыки, париться в сауне вместе со своими холеными любовницами, подальше от жен, и вливать в себя дорогостоящее содержимое кра-

сочных фирменных бутылок, напиваясь почти до поросячьего визга. До Женькиного домика, как бы далеко от особняка он ни стоял, каждый раз доносились отголоски их оргий, несмотря на плотно закрытые окна и дверь. Орала музыка, сотрясая мощную стереосистему, горланили во всю мощь грудных клеток гуляющие мужики, пронзительно хохотали и визжали их девицы. Что конкретно там происходило, Женька не знала и знать не желала. Она выходила в парк либо на рассвете, когда все наконец засыпали глубоким сном, либо после того, как они уезжали прочь на своих дорогих машинах, чтобы убрать за ними разбросанные повсюду банки и бутылки, а в придачу и другие, порой самые неожиданные предметы, иногда вызывающие смех, а иногда наводящие на довольно жуткие мысли. Одной из таких неожиданных Женькиных находок однажды стал Туман. Поначалу она приняла его за брошенную в кусты мокрую грязную шкуру и подошла, намереваясь вытащить ее оттуда, чтобы зарыть вместе с другим не подлежащим сжиганию мусором. Но «шкура» вдруг подняла окровавленную морду. В первый момент Женьке стало так дурно, что даже сердце закололо. Немного отдышавшись, она приблизилась к собаке. Пес уже снова уронил голову на лапы, и одни только его карие глаза выглядели живыми. Они смотрели на Женьку так, что ее начало трясти. Ее колотило от той глубины страдания, что читалась в говорящем яснее слов собачьем взгляде, и от сознания нанесенных собаке увечий, и от ярости на того, кто это сделал, и от ужаса перед чудовищной жестокостью той пьяной твари, которая оказалась на это способна. Она сжимала зубы, чтобы унять дрожь, и глотала слезы, почти уверенная в том, что уже ничем не сможет помочь полумертвому псу. Но, немного придя в себя, Женька все же начала действовать. Прежде всего накрыла собаку своей курткой, потом побежала в особняк. С помощью Алевтины, горничной, тоже убиравшей в этот день за уехавшими прочь «гостями», только не двор, а комнаты, Женька перенесла собаку на покрывале к себе домой. И на долгие дни лишилась покоя. В зависимости от самочувствия собаки надежда ее сменялась отчаянием, угасала, чтобы воскреснуть снова и снова угаснуть. С каким-то остервенением Женька выхаживала чуть живого пса, заботясь о нем так, как не всякая мать заботилась бы о своем больном ребенке. Она кормила его из спринцовки, удалив кровоточащие обломки зубов изо рта, меняла под ним мокрые простыни, поскольку он не мог вставать, переворачивала его, чтобы не было пролежней, делала уколы и перевязки. На Женькино и Туманово счастье, воспитывалась она в семье медиков, где дедушка и бабушка были врачами, и поэтому знала, что делает. Знала настолько, что однажды, в очередную бессонную ночь, когда лежала, глотая слезы, раздражаемая сомнениями, тревогой и тоской, она услышала, как серый пес покинул свое место и подполз к ее кровати. Эта ночь стала переломной в состоянии Тумана, и после нее он резко, как по мановению волшебной палочки, пошел на поправку. А вскоре уже следовал за Женькой повсюду, как лохматая серая тень. Вначале пошатываясь, на заплетающихся от слабости лапах, а потом все увереннее, бодро приподняв свой уныло болтавшийся поначалу хвост. Не зная, как его звали прежде, Женька назвала его Туманом. Во-первых, за красивый серый окрас, а во-вторых, потому что именно туман в ту ночь, когда озверевший хозяин пытался убить его, спас псу жизнь. Он заполз в кусты и стал невидим с асфальтированной дорожки в наползающих с озера клубах густого тумана. Идти же на его розыски по сырой траве пьяный садист, скорее всего, просто уже не захотел.

– Женечка, здравствуй! – прозвучал от широкого каменного крыльца знакомый голос.

Женька вскинула голову. Занявшись сметанием листвы во дворе, она не заметила, как из дверей особняка вышла Алевтина с двумя полными фильтрами от пылесосов в руках.

– Здравствуй, Алечка, – ответила Женька. – Ты уж тут раньше меня начала крутиться?

– Да хочется сделать все побыстрее. – Аля спустилась по широким каменным ступеням, подошла к уже собранной Женькой в кучу листве. – Я тебе подкину фильтры?

– Бросай, конечно, – кивнула Женька.

– И откуда столько пыли берется? – вздохнула Аля, складывая фильтры сверху на кучу. – Ведь целыми днями дом пустует, а вот, погляди-ка.

– Это еще что, – усмехнулась Женька. – Разве можно сравнить эти два фильтра с тем, что остается после нашествия орды?

Аля ответила Женьке невеселой и понимающей улыбкой. А потом, кивнув на прощание, снова пошла в дом. Женька проводила ее сочувственным взглядом. В отличие от нее, от Женьки, Аля не могла свести контакты с «ордой» к минимуму. Напротив, ей все время приходилось быть «под рукой», прислуживать, угождать. По долгу службы и в надежде на чаевые. Потому что, знала Женька, у Алиного сына тяжелый порок сердца, и она не оставляет надежды скопить ему денег на операцию. Вот и приходилось женщине, давно отчаявшейся найти поддержку у пьяницы-мужа, забывать про усталость, гордость и чувство собственного достоинства.

«Орда» приехала после семи вечера. От поворота по Женькиным окнам скользнули, словно прожектора, мощные фары, а чуть позже импортные внедорожники въехали в ворота парка. Даже из их закрытых салонов отчетливо был слышен рокот барабанов – магнитолы работали на полную катушку, потому что сидящие там были настроены развлекаться по полной программе. Тяпа вскочил на кресло и поставил передние лапы на подоконник, выглядывая за стекло, хотя давно уже знал, что ничего из комнатного окна не увидит. Туман же и с места не сдвинулся, лишь повернул голову, угрюмо сверкнув глазами. У него, как и у Женьки, было совершенно определенное отношение к подобным наездам. И Женька каждый раз в таких случаях прятала его дома либо уходила с ним в лес. Не только потому, что опасалась возможной встречи с бывшим хозяином Тумана, но и потому, что пес люто ненавидел всех, от кого разило спиртным и кто хоть чем-то напоминал ему своим внешним видом о прошлой жизни. Насколько могла судить Женька по поведению Тумана, кавказские овчарки – не те собаки, которые легко забывают зло. Во всяком случае, Туман не забыл, хоть с той поры и прошло уже больше двух лет.

Машины скрылись в глубине парка, и вскоре от особняка привычно раздались громкие голоса – приехавшие вышли во двор. Отложив книгу в сторону, Женька прошла на кухню, поставила на плиту чайник и собачью кашу. Завтра придется встать на рассвете, чтобы успеть убрать весь двор до того, как проснутся и выйдут на улицу постояльцы. А значит, и лечь сегодня надо пораньше, чтобы процесс раннего пробуждения не превратился в мучительную борьбу с упорно слипающимися веками.

– Ужинаем – и по койкам, – сказала она собакам, разливая им в миски кашу. Потом и себе смастерила несколько бутербродов к горячему чаю, выложила их на блюдце. Женька любила домашний уют и старалась поддерживать его в своем маленьком кукольном домике. Золотисто-розовый абажур, скатерть и салфетки на столе и нарядные занавески – все это было дорого ей, потому что напоминало родной дом. Тот родной дом, который она знала в детстве. В детстве, которое, как утро перед звонком будильника, было «до». До смерти воспитавших ее стариков, с которыми она жила, не ведая о том, что ненастными могут быть не только те дни, когда на небе стучатся тучи. До приезда в опустевший дом матери, почти что чужой женщины, с еще более чужим отчимом и двумя их совместными детьми. До того, как они стали наводить в доме свои собственные порядки. Женька передернулась, отмахиваясь от этих воспоминаний. Приезд в ее родной дом матери с семьей она воспринимала не иначе, как нашествие оккупантов. И то, что она впоследствии оказалась здесь, в этой глуши, было не чем иным, как результатом бегства от них, потому что смириться с новым образом жизни она так и не смогла. Люди, въехавшие в ее дом, в ее заповедный уголок, где все еще так живо напоминало о стариках, ушедших из жизни один за другим с интервалом всего в полтора месяца, были совершенно чужды Женьке, и весь их жизненный уклад вызывал у нее чувство острого неприятия. А началось все с того же обеденного стола. Сразу же с него исчезли скатерть и все салфетки. Но тринадцатилетняя, не по возрасту зрелая в своих мыслях Женька, тяжело вздохнув при виде «голового» стола, тут же нашла матери оправдание: у нее и без того много стирки,

от одних только сыновей-погодков – ежедневно целая куча. Однако, как оказалось, это было только началом и меньшей из бед. Едва устроившись на новом месте, семья (Женька так и звала их всегда: «семья», никогда не добавляя при этом «моя» и никак иначе не отождествляя себя с ними) стала наводить в доме новые порядки. Энергичная мать, до этого не имевшая своего собственного угла, начала с перестановки. Все, что для Женьки было не то что дорого – свято как память, изменили, переставили, а то и просто выбросили из дома. Например, любимые бабушкины фарфоровые статуэтки, вручную связанную бабушкой покрывала, а также старинные кресла, бабушкино и дедушкино, которые Женька делила с ними по очереди, выслушивая там вечерами захватывающие рассказы. Умом Женька понимала, что они совершенно не сочетаются с привезенной матерью современной мебелью, но легче ей от этого не становилось, потому что вместе с этими вещами дом словно бы терял свою душу – ту, что всегда была у него при жизни стариков. Еще не оправившаяся после их потери, она воспринимала эти перемены до крайности тяжело. Но еще тяжелее оказалось то, что люди, въехавшие в ее дом, отличались от ее стариков ничуть не меньше, чем небо от земли. Порой Женька с каким-то беспомощным удивлением взирала на мать, спрашивая себя, может ли быть, что их обоих воспитывали одни и те же люди. И если да, то что же могло так изменить ее мать? Ведь изначально она не могла, не должна была быть такой. И Женька осознавала, что ответ находится прямо перед ней: отчим. Она упорно отказывалась понимать, как же мать могла полюбить такого человека, причем настолько, что сама изменилась под стать ему, превратившись в его подобие. Отчим был полной противоположностью Женькиному деду, бывшему военврачу, офицеру запаса, всегда подтянутому и аккуратному, тактичному и интеллигентному, мастеру – золотые руки. Невысокий, толстенький и очень ленивый, отчим гордился тем, что он – «человек простой». В Женькиных же глазах эта простота граничила со скотством, потому что означала вульгарные разговоры и полное неумение вести себя где бы то ни было, в том числе и за столом. Особенно ее выводило из себя то, что при еде он громко чавкал и жадно тащил к себе в тарелку все наиболее аппетитное, причем руками. Долго выдерживать такое зрелище она не смогла и вскоре стала садиться обедать отдельно от семьи. Отчим, как оказалось, был от этого не в восторге, и вовсе не потому, что жаждал видеть Женьку за столом вместе со всеми, а потому, что, помимо всего прочего, отличался патологической скупостью, а тут лишился возможности заглядывать Женьке в рот. Женьке же на его недовольство было глубоко наплевать, она так и ответила матери, когда та попыталась призвать дочь к установленному семьей порядку. Слово за слово – начались скандалы. Поначалу Женька сильно переживала из-за них, а потом ожесточилась, начав находить в этом какое-то мрачное удовлетворение. С каждым днем обстановка в стенах дома становилась все более враждебной, и все меньше Женьку туда тянуло. В конце концов в иные дни она вообще стала приходить домой только ночевать. Это служило поводом для новых скандалов, сопровождавшихся порой грязными оскорблениями, глубоко задевающими Женькину гордость, и обвинениями в том, что она совершенно не помогает семье. Но по этому поводу совесть Женьку совершенно не мучила – отчим тоже, вернувшись с далеко не самой тяжелой работы, дни напролет пролеживал на диване, равнодушно позволяя выходить из строя и рушиться всему, что делал когда-то в доме Женькин дед. Только отчиму мать почему-то и слова никогда не говорила поперек, все свое накопившееся раздражение она полностью выплескивала на Женьку. Женька же в ответ просто разворачивалась и снова уходила, свистнув с собой Дианку – маленькую собачонку, последнее, что еще оставалось у нее от прошлой жизни. Уходила, чтобы как можно меньше видеть тех, с кем была вынуждена теперь жить. Вот только шла она вовсе не «шалавиться», как заявляла мать. У нее теперь даже и подруг-то не осталось, потому что она не хотела и не могла больше никого приглашать к себе домой, где царствовали раздражение и враждебность, где мать срывалась на крик по каждому пустяку и, даже не стесняясь посторонних, могла пустить в ход кулаки, и где никогда не бывали рады гостям по причине патологической скупости отчима. Нет, Женька

уходила в лес. День за днем, по тем тропам, по которым гуляла когда-то с дедом. Только если раньше они ходили туда за грибами, ягодами да за материалами для своих нехитрых, но симпатичных поделок, то теперь Женька выбирала лес, чтобы что-то забыть, а что-то, наоборот, вспомнить. А со временем, когда накопилось немало проблем, которыми не с кем было поделиться, когда в школе случались неприятности и Дианка была выгнана во двор (где, возможно, ей было все же лучше, потому что отчим не мог ее пнуть), – одним словом, когда жизнь стала казаться совсем невыносимой, у Женьки вошло в привычку рассказывать о ней деревьям. Она доверяла им свои тайны и обиды, делилась своими мыслями и надеждами. Она не сходила с ума, ей просто больше некому было об этом рассказать. А деревья оказались внимательными слушателями, им можно было доверить все, что угодно. И все чаще Женьке начинало казаться, что они отвечают ей. А может, так оно и было на самом деле. Во всяком случае, ей ни разу не пришлось пожалеть о том, что она следовала их «советам» в той мере, в какой могла их истолковать. Истолковывать же ответы своих собеседников Женьке было несложно. Движение веток, скрип стволов, шум листвы – теперь все имело для нее значение. Она слышала, потому что хотела слышать. А иногда можно было и просто постоять, глядя на конкретное дерево, сосредоточившись на нем, соприкоснувшись своим сознанием с его живой энергией – и мир воцарялся в душе, и словно ниоткуда появлялись ответы на беспокоившие до этого вопросы. В течение трех лет деревья поддерживали Женьку, словно лучшие друзья. Лишь благодаря им она сумела остаться сама собой, не опуститься, не загрузеть душой, не пуститься во все тяжкие. Было ли так на самом деле? Кто знает. Но Женька до сих пор вспоминала Деревья Черных Лет с любовью и теплотой в душе.

Разделив свой последний бутерброд между собаками, Женька поднялась, сполоснула свою и собачью посуду, потом по очереди расчесала собак. Ей не о ком было больше заботиться, кроме них, у нее больше никого не было, хотя и жила в городе, минутах в сорока езды от «Лесного озера», семья. За прошедшие годы Женька ни разу не побывала у них, и ее даже не тянуло туда. Даже к братьям, которых у нее не было причин ненавидеть, но и любить особых поводов не находилось. А мать, возможно, до сих пор так и не знала, где теперь живет ее дочь. Женька ушла из дома в последний раз так же, как и всегда, после очередного скандала, с той только разницей, что уже не вернулась обратно. Эта работа в «Лесном озере», о которой она узнала совершенно случайно, стала для нее словно подарком небес, сразу же разрешившим все ее проблемы. До этого, закончив девять классов, Женька проработала год в больнице санитаркой. Дед с бабушкой, наверное, перевернулись бы в гробу, если бы узнали, что она, в прошлом отличница и гордость школы, вначале скатилась на четверки, а потом и вообще одним махом отказалась от оставшихся и без того немногочисленных шансов поступить в институт. Но Женька просто не могла жить дальше, ежедневно слушая упреки в том, что висит у семьи на шее. Устроившись на работу, она обрела материальную независимость. Получала Женька немного, но им с Дианкой на двоих хватало. Вот только не было денег на то, чтобы снять хотя бы комнату и жить отдельно, а общежития при больнице не имелось. Между тем выяснилось, что, устроившись на работу, Женька вовсе не убавила поводов для скандалов. Напротив, отчима бесило, что она не отдает всю свою получку в «общий котел» и не живет, как прежде, а стала позволять себе всякие излишества и даже дошла до такого кощунства, что иногда угощает свою собаку колбасой. Но Женька сыта была по горло его жадным стремлением сожрать все самое лучшее самому и его дурной привычкой заниматься своей экономией за счет других, не исключая собственных детей. Поэтому, без спора отдавая матери свою долю квартплаты, она встретила в штывы любые попытки посягнуть на оставшуюся сумму. Это накалило ситуацию настолько, что однажды Женька, в очередной раз хлопнув за собой дверь, не вернулась домой даже ночевать. Лишь утром, когда семья ушла из дому, она появилась, чтобы собрать вещи. Несколько дней она хранила их на работе, в раздевалке, и сама ночевала на больничном топчане, в то время как Дианка уже привычно обосновалась на улице, недалеко от приемного

покая. Что делать дальше, Женька не знала и мучительно искала хоть какой-то выход. О том, чтобы вернуться обратно, к семье, она даже не помышляла. Вот тут-то судьба и сыграла ей на руку: к ним в отделение на несколько дней попал хозяин «Лесного озера», которому позарез нужен был дворник. Не теряя время даром, он начал искать подходящую кандидатуру среди санитарок. Делал он это без особой надежды, потому что мало кого могла прельстить жизнь за пределами города, в глуши огромного парка, сразу же за оградой переходящего в дикий лес. Но Женька, едва выслушав его предложение, даже не поинтересовалась размерами зарплаты. Через несколько дней она вместе с Дианкой уже переступила порог своего нового дома, показавшегося после всех ее мытарств лучшим в мире. Здесь она с тех пор и жила, ни разу больше не вернувшись даже на родную улицу. И, насколько ей было известно, никто не кинулся ее искать.

Расчесав собак, Женька чмокнула каждую в морду, а потом пошла умываться сама. И вскоре они, все трое, устроились на ночлег. Женька – в расстеленной на диване постели, Тяпа – в кресле, доставшемся ему по наследству от Дианки, чьим щенком он был, а Туман – на своем собственном роскошном диване, переданном Женьке хозяином из особняка после того, как очередная «орда» во время своих забав вспорола обивку и обломила ему ножки.

Однако вскоре выяснилось, что уснуть в эту ночь им вряд ли удастся: ночная тьма за окном вдруг расцвела разноцветными огнями, а стекла зазвенели от грохота – гостям вздумалось устроить фейерверк. Туман зарычал, а Тяпа, поджав хвост, соскользнул с кресла и заполз под него – маленький трусишка боялся резких звуков.

– Тише, – попыталась успокоить Тумана Женька, забирая из-под кресла Тяпу к себе в постель. – Это ненадолго. Сейчас у них кончатся ракеты, и снова будет спокойно.

Но не тут-то было. Стихийный салют продолжался около часа. А когда он все-таки закончился, Женька поняла, что сон у нее пропал без следа. Тем более что наступившая вслед за грохотом тишина была весьма относительной, ведь гости приехали сюда для того, чтобы веселиться, и было их в этот раз что-то уж слишком много. Дома же ворчали собаки, в том числе и осмелевший после окончания салюта Тяпа. Поворочавшись с боку на бок и чувствуя, как от бесплодных попыток заснуть лишь тяжелеет голова, Женька встала. Собаки словно этого и ждали: тоже вскочили, призывно глядя на дверь и виляя хвостами.

– Ну что, отоспимся завтра днем? – спросила их Женька, одеваясь.

Собаки были согласны. Это читалось на их мордах так же ясно, как если бы там висели плакаты с крупными буквами. Туман еще поджидал Женьку в комнате, а Тяпа был уже у входной двери. Одевшись, Женька пристегнула к ошейнику Тумана поводок – когда приезжала «орда», она не рисковала выводить его из дома без привязи. Трусишка Тяпа, знала она, и так не убежит от нее далеко, а вот Туману неизвестно, что может взбрести в голову, если в поле его зрения попадет кто-нибудь из гостей.

Выпорхнув из дома, Женька сразу же свернула к воротам. Хозяин требовал, чтобы во время приездов «зимних» гостей они оставались открытыми, и Женьке такое требование было только на руку, потому что уже не в первый раз она предпочитала ночную прогулку вынужденной бессоннице. На рассвете она приведет собак домой, потом одна, без них, сбегает и убежит во дворе и парке, после чего спокойно отоспится за всю беспокойную ночь. А пока что... Перебежав однополосную, ведущую от основной магистрали к дому отдыха дорогу, Женька стала спускаться по скользкой осенней траве к озеру. Слева непролазными дебрями высились кусты, и добраться до лесной тропинки можно было лишь так, спустившись вначале почти к самой кромке воды. К ночи ветер успокоился, но не стих совсем, и невысокие волны с легким шелестом накатывали на берег, временами мерцая, когда на небе в тучах открывался про свет, сквозь который проглядывала луна. Когда кусты были пройдены, под ногами закрипела галька, влажный и бодрящий ветер ударил Женьке в лицо. Задержавшись у озера, она глубоко вдохнула этот ветер, глядя вперед, в темноту, где угадывалась огромная и беспокойная масса

воды, потом пошла дальше. Несколько шагов вдоль берега, потом поворот – и тропинка плавно изогнулась вверх, на один из окружающих озеро холмов. Скрипящая под ногами галька сменилась мелким золотистым песком, потом дерном да слежавшейся за многие годы опавшей хвоей, а плеску воды внизу стал вторить высоко над головой шум сосновых вершин.

– Здравствуйте, мои хорошие, – тихо сказала соснам Женька, отвязывая Тумана. – Вот и опять я к вам.

Налетел новый порыв ветра, и высокие корабельные сосны зашелестели сильнее, словно отвечая на приветствие. Женька почти не видела их в темноте, но легко угадывала каким-то шестым чувством. Стройные, мерно раскачивающиеся под ветром стволы и кряжистые ветки, словно оперенные большими лапами из длинных игл, заканчивающиеся ближе к небу, нежели к земле. У сосен был какой-то особый, с присвистом звук, не такой, какой издавали под ветром лиственные деревья. И аура была другой, более вольной, светлой и воздушной. Женька не то чтобы любила сосны больше других деревьев, но просто всегда чувствовала себя среди них иначе, и даже хмурый дождливый день начинал казаться ей в их окружении светлее. Она различала деревья между собой так, как хороший художник различает оттенки, а музыкант – звуки. У елей, например, хоть они тоже хвойные деревья, характер иной, более замкнутый, загадочный. Березы виделись ей нежными и немного робкими, дубы – гордыми и мудрыми патриархами, вязы – стойкими и суровыми, как спартанцы, осины – ранимыми, обидчивыми. Но это в общем, а помимо этого, каждое знакомое Женькино дерево, почему-либо выделенное ею среди других, имело свой собственный характер.

Легко угадывая в почти полной темноте стволы и выступающие корни сосен, чувствуя их живое дружеское присутствие вокруг, Женька поднималась на вершину холма. Шла она не спеша, отдыхая и душой, и мыслями, словно бы растворяясь сознанием в спокойной атмосфере ночного леса. Ни темнота, ни одиночество совершенно не пугали ее. Единственное, чего она по-настоящему боялась, – это встречи с людьми. Но, к счастью, никому, кроме нее, даже и в голову не могло прийти пуститься гулять по холмам среди ночи.

Где-то через пару часов, взобравшись на самую вершину очередного холма, Женька остановилась, оглянулась. Днем отсюда можно было видеть озеро в совершенно потрясающем ракурсе: далеко внизу, словно бы в чаше обступающих холмов, довольно круто обрывающихся в его сторону. Сейчас же, в темноте, озеро лишь угадывалось огромной и бездонной черной дырой, почти такой же таинственной, как космическая. Зато далекий, кажущийся отсюда игрушечным особняк и двор перед ним был весь расцвечен огнями, а окна главного зала ритмично вспыхивали комбинациями всех цветов радуги – там включили цветомузыку. Женька застыла на холме, задумчиво глядя на эти яркие огни, отблески чужой жизни. Если бы ее судьба сложилась иначе, она тоже могла бы находиться среди людей, умеющих веселиться большой компанией под громкую музыку. Теперь же ей оставалось лишь смотреть на это со стороны. Что ей на самом деле нравилось. Еще в те времена, когда она жила с семьей, она любила поздними вечерами взбираться на возвышенность возле города и смотреть, как горят огнями дома и парки, кафе и кинотеатры. Но она никогда не задавалась вопросом, хочется ли ей туда. Это было бы равносильно тому, как если бы волк захотел вдруг на выставку служебных собак – такая жизнь была совершенно чужда Женьке, лишь в лесу ей дышалось легко и свободно. За три года, прожитых ею в семье, за три года скитаний по лесу она в совершенстве научилась понимать деревья, но абсолютно разучилась общаться с людьми. И, оказавшись в многолюдной веселой толпе, она бы совершенно растерялась, а потом в лучшем случае забилась в самый дальний и темный угол. По этой причине она никогда не ходила на школьные дискотеки, проslыв среди одноклассников горячкой и недотрогой. Потом был очень неудачный опыт первой любви, окончательно отвадивший Женьку от попыток с кем бы то ни было сблизиться. А здесь, в «Лесном озере», она и совсем одичала. Даже поездки в город за покупками казались ей теперь утомительными и вызвали головную боль; она чувствовала себя там улиткой, вне-

запно лишившейся своего домика и не знающей, куда спрятаться. От людских лиц, которые, казалось, были обращены прямо к ней, от звучащих где-то за спиной разговоров и замечаний, тоже как будто произносимых в ее адрес, от направленных в ее сторону взглядов. Ощущая их на себе, Женька невольно ускоряла шаг, мечтая лишь об одном: скорее оказаться у себя дома, где ничего этого нет. Она отвыкла даже от самого присутствия людей. Ведь если раньше ей все же приходилось общаться – вначале в школе с одноклассниками, а потом с коллегами и пациентами на работе, – то теперь ее повседневное общение сводилось только к деревьям и собакам. Кроме этого, лишь изредка приезжал хозяин, с которым Женька едва перебрасывалась десятком-другим слов, да где-то раз в неделю она встречалась возле особняка с Алей, и та изливала ей душу, рассказывая про мужа и сына. Женька внимательно слушала, сочувствовала, но никогда не делала попыток рассказать что-либо о себе. Впрочем, Аля никогда ее об этом и не просила, у нее своих проблем хватало. И Женька вновь возвращалась в свой мир, в котором не было места людям. Так проходили дни, незаметно складываясь в недели, потом в месяцы и годы. Иногда, очень редко, у Женьки все же возникало ощущение, что она что-то теряет в этой жизни, что нечто очень важное ускользает от нее, и что однажды, спохватившись, она уже не сможет это что-то вернуть. Но Женька отмахивалась от этих мыслей, потому что изменить что-либо ей все равно было не под силу. Да и не представляла она себе иной жизни, чем эта. Единственное, что ее по-настоящему страшило, так это короткий собачий век и перспектива через несколько лет снова пережить то, что ей уже пришлось пережить спустя год после приезда сюда, когда умерла Дианка. Для Женьки это было тогда горем, сопоставимым по силе разве что со смертью стариков. Оборвалось последнее живое звено, что хоть как-то еще связывало их с нею, и навсегда закрылись единственные глаза, постоянно присутствовавшие рядом, после чего настал период сокрушающей, безжалостно и медленно казнящей пустоты. В лесу, где с нею были деревья, Женька еще могла более-менее свободно дышать, но как только возвращалась в дом, пустота наваливалась на нее, сдавливала грудь, звенела в ушах, хватала за горло. И неизвестно, как бы Женька справилась с этой бедой, если бы судьба снова не пошла ей навстречу, явившись в образе Тяпы, сиротливо сидевшего возле магазина, до которого однажды Женька все-таки вынуждена была добраться, чтобы купить домой хоть каких-то продуктов. Едва увидев Тяпу, Женька тут же признала в нем Дианкиного щенка, подаренного когда-то старинной бабушкиной подруге. А его неухоженный вид сразу навел на мысль о том, что у своей прежней хозяйки Тяпа больше не живет. Вопреки обыкновению разговорившись в этот день с продавцами, Женька выяснила, что так оно и есть: несколько месяцев назад женщина умерла, а ее детям Тяпа оказался не нужен, вследствие чего и оказался на улице, пробавляясь тем, что удавалось выклянчить у выходящих из магазина покупателей. Не раздумывая ни секунды, Женька накупила провизии уже на двоих, вышла из магазина, и когда Тяпа подался вперед, просительно заглядывая ей в глаза, просто сказала ему: «Пошли домой». И он пошел. То ли потому, что тоже узнал ее, то ли просто понимал, что идти все равно больше некуда.

Послышался тихий шелест устилающей землю хвои, и Туман ткнул застоявшейся на месте Женьке мордой в бок. Женька развернулась и присела перед ним, обвила руками за мощную шею, уткнулась лицом в густую мягкую шерсть. Что бы ни готовило ей будущее, а пока ее собаки, слава богу, были с ней.

– Не оставляйте меня, Туманушка, – прошептала ему Женька. – Ни ты, ни Тяпа. Будьте всегда со мной.

Не умеющий глядеть так далеко в будущее Туман, естественно, ничего не понял, лишь на всякий случай вильнул хвостом. Но Женьке и не нужно было его понимания, ей достаточно было его умения сочувствовать и этой широкой, сильной собачьей шеи, в которую можно было уткнуться лицом. А сосны тихо шелестели под ветром в вышине, с присвистом, словно снасти парусного корабля. И, слушая их обнадеживающие голоса, Женька понемногу приходила в себя, чувствуя, как уходят прочь ею же самой вызванные страхи.

К воротам парка она вернулась на рассвете. Озеро казалось в синем предутреннем свете огромной чашей тумана. Не видя ни своих ног, ни Тяпы, полностью тонущего в наплзающих на берег клубах, Женька взяла своего Тумана на поводок. Так, на всякий случай, потому что особняк казался теперь заколдованным замком, все обитатели которого были скованы чарами волшебного сна. И, казалось, даже предрассветный ветер не смеет тревожить деревья в парке. Действительность была гораздо более прозаической: парк от ветра частично защищался холмом, а гости забылись тяжелым хмельным сном после буйного ночного разгула, но Женьке хотелось видеть не реальность, а сказку. Чуть слышно ступая по гравию, она вышла на асфальт и уже в воротах оглянулась в последний раз назад. Над восточным холмом тонкой оранжево-красной полоской пробивалась сквозь тучи заря, но деревья и в низине, и наверху все еще казались черными. Женька помахала им рукой, как лучшим друзьям, после чего прошла в ворота и направилась к своему домику, чтобы оставить там собак – она не рисковала брать их с собой, когда в особняке располагались гости. Чувствовала она себя так, как будто и не гуляла всю ночь – свежей, бодрой. Словно лес поделился с ней какой-то своей удивительной силой, черпаемой им из самых недр Земли. Совсем не так, с усмешкой подумала она, будут чувствовать себя гости ближе к обеду, когда начнут просыпаться после ночного веселья.

2

«Орда» прожила в доме отдыха еще четыре дня. Неизвестно, что за праздник они приехали сюда справлять, но на протяжении всех ночей они гуляли так, что для Женьки стало уже привычным, подстраиваясь под их распорядок, спать днем, а бодрствовать в ночное время – иначе было никак. И поскольку человеческие биоритмы все же не рассчитаны на такой график существования, особенно когда время близится к зиме, то отъезд «орды» Женька восприняла с большим облегчением.

– Наконец-то у нас снова станет тихо, – вздохнула она, проводив взглядом выехавшие на дорогу машины. Теперь они двигались куда более спокойно, музыка уже не гремела в салонах – то ли сидящие в них устали от такого «отдыха», то ли уже настраивались на рабочий лад, возвращаясь к своей повседневной жизни. Женьке и самой теперь предстояло немало работы: надо было сделать генеральную уборку в парке площадью в несколько гектаров, сжечь собранную за эти дни в кучи опавшую листву, поскольку при гостях дымить кострами хозяин категорически запрещал, а также ликвидировать следы «шашлычных» кострищ, закопать всевозможные банки с бутылками... и неизвестно что еще сделать, потому что Женька не видела еще того, что с утра успела натворить уехавшая «орда». А поскольку уехали гости уже затемно, можно было предположить, что успели они за это время достаточно много.

– Ну что? – обратилась Женька к Туману, прочно укоренившись за годы одинокого существования в своей привычке разговаривать с собаками. – Начнем уборку завтра с утра или пойдем сейчас и приберем хотя бы те места, где есть освещение, чтобы на завтра меньше оставалось?

Туман вильнул в ответ хвостом, выражая свою готовность идти куда и когда бы Женька ни позвала. И Тяпа был тут как тут.

– Пойдем, наверное, сейчас, – глядя на них, сама себе ответила Женька. – И завтра будет тогда полегче, а уснуть я сейчас все равно уже не смогу, ведь проснулась только около пяти вечера.

Поняли собаки Женьку или нет, но, когда она вышла вместе с ними на улицу, безошибочно повернули не к воротам, чтобы идти в лес, а к особняку. Оставив ворота открытыми – еще предстояло пронести через них не одну и не две кучи мусора, чтобы закопать в яме, под насыпью у дороги, – Женька пошла следом за собаками, на ходу оценивая масштаб предстоящей работы в тех местах, где с высоких столбов парк заливали ярким и холодным светом уличные фонари.

Уже после полуночи, выпрямившись и опираясь на грабли, Женька снова окинула взглядом освещенную часть парка. Между деревьями стелился белый дым от подожженных куч опавшей листвы, слишком отсыревшей, для того чтобы хорошо гореть, а около центральной дороги был сложен в мешках предназначенный к выносу несоразмерный хлам. Теперь оставалось только вынести его за ворота, свалить в заранее приготовленную яму, дожечь костры и на этом закончить сегодняшнюю работу, потому что остальная часть парка тонула в густой темноте осенней ночи, слишком непроглядной для того, чтобы пытаться продолжить уборку до наступления утра.

– Да, и в самом деле хватит на сегодня, – сказала она собакам, отвечая скорее на свои мысли. – И так кто бы увидел со стороны, решили бы, что ненормальная, ведь кому бы еще взбрело в голову заниматься уборкой парка в такое время!

Приставив грабли к ближайшему дереву, Женька приблизилась к мешкам с мусором, как вдруг тишину пустынного ночного парка встревожил звук ревуших автомобильных моторов. Пока он слышался еще далеко, но, несомненно, приближался, иногда сопровождаясь странными резкими хлопками.

– И что бы это значило? – озадаченно спросила Женька у собак, чувствуя, как изнутри пробирает нехороший холодок. – Несутся сломя голову. Ну-ка, пойдём отсюда скорее! Зачем бы они сюда ни ехали, а встречаться нам с ними ни к чему, пусть сами разбираются со своими проблемами как знают.

Говоря это, она поискала глазами, нашла валяющуюся на земле веревку, которой связывала инвентарь, подняла ее и продела в кольцо Туманова ошейника. И поскольку рев несущихся на полном газу машин слышался уже у самых ворот, Женька, больше не мешкая, потащила Тумана за собой на веревке в темную часть парка. Тяпа, почувывший неладное, вился тут же, у самых ног – его в таких случаях незачем было привязывать.

Едва Женька с собаками успела скрыться за окутанными мраком деревьями, как машины, не снижая скорости, влетели на центральную дорожку парка и понеслись по ней.

– Психи, – остановившись и оглянувшись назад, прошептала Женька. – Пьяные или нет, но с головой у них у всех точно не в порядке.

Из своего укрытия она увидела, как машины пролетели по направлению к особняку, едва касаясь дорожки колесами. Два внедорожника, первый огромный, темного, а может быть, и черного цвета, второй поменьше, более обтекаемой формы, красный.

– Господи, – прошептала Женька, переводя испуганный взгляд на собак. – Что хоть у них происходит? Ну-ка, пошли дальше. Не стоит нам с ними встречаться, ничего хорошего эта встреча не сулит – эти типы явно не из тех, кто способен на нормальный разговор. Поэтому и домой возвращаться не станем: вдруг у этих сумасшедших возникнет идея нагрять к нам в гости после того, как они поймут, что особняк закрыт, и им туда не попасть? Али-то там нет, и слава богу.

Увлекая за собой Тумана, Женька едва ли не бегом направилась в глубь парка, к ограде. Ей хотелось, протиснувшись между коваными прутьями (к хорошо освещенным воротам она сейчас подойти не рискнула), выбраться вместе с собаками из парка и скрыться от греха подальше в лесу. Там-то, она знала, ее вряд ли кто-нибудь сумеет отыскать. А здесь, в парке, она почти физически ощущала надвигающуюся угрозу: эти люди, несущиеся сломя голову на машинах, были явно не в себе. И хоть она по совместительству присматривала за парком в качестве сторожа, в ее обязанности не входило рисковать здоровьем, а может, и жизнью в попытке объясниться с потерявшими рассудок «гостями». Тем более что толку от ее попыток призвать их к порядку все равно не было бы никакого, Женька знала это, потому что хорошо успела изучить такой тип людей за проведенные здесь годы.

Уже у самой ограды, не успев с облегчением вздохнуть, Женька услышала донесшийся от особняка визг тормозов, а потом какой-то грохот.

– Доездились, – прошептала она, торопливо протискиваясь между прутьями и не выпуская из рук веревку, к которой был привязан Туман. – Туман, ко мне! Выбирайся, и бежим отсюда.

Выражая готовность следовать за хозяйкой, Туман поставил лапы на каменный выступ ограды, ткнулся мордой в просвет между прутьями... и только тут Женька поняла, что его огромная голова не пролезет между ними ни под каким углом.

– Ну что же ты! – в волнении прошептала она, лихорадочно ощупывая ближайшие прутья в надежде отыскать просвет пошире. – Давай попробуем в другом месте...

Тем же путем вернувшись обратно в парк, к Туману, Женька торопливо пошла вместе с ним вдоль ограды, выискивая, нет ли где какой-нибудь брешки. Но старинная ограда была сработана на совесть. Женька миновала два пролета, ряды металлических прутьев от одного каменного столба до другого, и убедилась в том, что этот выход для Тумана закрыт. О том, чтобы бежать без него, она даже и не помышляла. Оставалось либо затаиться здесь, либо набраться смелости и все же попробовать пробраться через ворота. Женька замерла на несколько секунд, не зная, на что решиться, когда со стороны особняка вдруг прогремело сразу

несколько выстрелов. Именно выстрелов, теперь в этом не могло быть уже никакого сомнения. Подхваченные эхом, они раскатились по парку, и не успела Женька даже вздохнуть, как Тяпа, словно испуганный заяц, сорвался с места и кинулся домой.

– Тяпа! – сдавленно вскрикнула Женька. – Вернись!

Но перепуганный песик ее даже не услышал. Женька беспомощно посмотрела ему вслед. А выстрелы продолжали звучать, сухие и резкие, и это уже вовсе не было похоже на салют. Шея Тумана завибрировала – он глухо и грозно рычал.

– Ну-ка, тише! – Женька дернула за веревку. – Господи, да что же творится?! Что они здесь забыли?!

Но ответ на этот вопрос она уже знала, хоть и отказывалась еще в это поверить: никто из приехавших ничего здесь не забывал. Возможно, их вообще тут раньше не было, а принеслись они сюда на своих машинах, лишь следуя в безумной гонке поворотам дороги. Кто-то, кто был в красном автомобиле, гнался за тем, кто был в черном, не забавы ради, а с совершенно конкретной целью: убить. И теперь, когда машины то ли столкнулись между собой возле особняка, то ли одна из них во что-то врезалась, убийцы – а, судя по выстрелам, их было несколько – устроили охоту за своей жертвой. Прямо здесь, в парке.

Пытаясь не поддаваться панике, Женька прижалась к стволу ближайшего дерева, крепко держа за веревку Тумана. Зная Тяпу, она почти наверняка могла предположить, что он сейчас забился под крыльцо их дома и сидит там, дожидаясь, когда придет Женька, чтобы открыть ему дверь. Туман же был настроен агрессивно, и у Женьки кровь холодела при мысли, что он может сорваться с привязи и броситься на этих, с пистолетами, ведь тогда они почти наверняка пристрелят его прямо у нее на глазах. Да и ее вряд ли оставят в живых, если посчитают, что она увидела слишком много лишнего.

– Тише, я тебе сказала! – прошипела она как можно строже, чувствуя, что Туман снова рычит, натягивая веревку, и для верности даже шлепнула его по морде. – Молчи! Уходим отсюда! Проскочим мимо дома за Тяпой и рискнем выбраться в лес через ворота.

Где-то в темноте, возле особняка, сквозь завесу дыма снова сверкнула вспышка выстрела. Но Туман весь напрягся и замер в стойке, глядя совсем не туда, а гораздо правее. Чувствуя, что еще немного, и он рванется вперед, волоча ее за собой, как куклу, Женька снова шлепнула его и, вцепившись обеими руками уже в ошейник, что было сил осадила. И тут увидела, как от дерева, в той стороне, куда смотрел Туман, отделился человеческий силуэт. Он показался Женьке огромным и двинулся в их сторону. От испуга Женька резко, с каким-то всхлипом вздохнула, в то время как Туман, больше не раздумывая, бросился на незваного гостя. Чтобы удержать его, Женька буквально села на него верхом, но он все равно понес ее вперед, лишь замедлив скорость.

«Все, это конец! – мелькнуло в голове у Женьки. – Как же теперь Тяпа будет один?»

Но не успела она еще додумать эту мысль до конца, как незнакомец, к которому нес ее Туман, вдруг рухнул во весь рост словно подкошенный. Туман застыл у него над головой, тихо и угрожающе рыча, но тот даже не шелохнулся. Свалившаяся с Тумана Женька подалась вперед, не в силах сразу подняться на дрожащие после пережитого ноги. Где-то в парке раздались голоса. Выстрелов больше не было. Начиная немного приходить в себя, Женька пошарила в траве возле упавшего незнакомца, надеясь найти и забрать у него пистолет. Пистолета не оказалось, зато Женька угодила рукой в вязкую и теплую влагу. Отдернув руку, она поднесла ее к лицу, понюхала. В ноздри ударил тошнотворный запах свежей крови. Женька знала его, этот запах, даже слишком хорошо – так когда-то пах найденный ею Туман. Отшатнувшись, Женька вытерла руку о траву. Смысл происходящего стал ей ясен, как будто озаренный вспышкой молнии: раненый человек, лежащий сейчас перед ней без сознания, – не охотник, он как раз та самая жертва, на которую охотятся остальные. Охотятся для того, чтобы добить наверняка. А

она, Женька, сидит сейчас около него, в то время как они в любую секунду могут появиться здесь со своими пистолетами.

Чувствуя, как ее прошибает холодный пот, Женька вскинула голову, испуганно огляделась, прислушалась. Дым от тлеющих листьев стелился, укутывая в свое густое белое покрывало часть парка, но где-то за этой завесой двигались и перекликались несколько человек. Они наверняка знали, что тот, за кем они охотились, ранен и безоружен, подумала Женька, иначе не вели бы себя так уверенно. А настроены они, судя по всему, решительно, и если потребуется, то и весь парк обыщут для того, чтобы завершить начатое. И значит, ей, Женьке, надо вместе с Туманом убираться отсюда подальше, и как можно скорее, потому что находиться рядом с этим человеком едва ли не так же опасно, как сидеть возле готовой в любой момент взорваться бомбы. Придерживаясь за собачий ошейник, Женька поднялась, но не стала выпрямляться во весь рост, а застыла, пригнувшись. Туман тоже стоял неподвижно, не выказывая желаний броситься на лежащего, но и уходить не собирался. Напротив, был напряжен и внимательно прислушивался к тому, что происходит вокруг.

– Туман! – чуть слышно, но очень резко произнесла Женька, приблизив свое лицо вплотную к собачьему носу и глядя собаке в глаза. – Фу! Рядом и домой!

Каждое свое слово она сопровождала осязательным рывком за ошейник. Сейчас ей во что бы то ни стало нужно было заставить этого крупного и сильного пса беспрекословно повиноваться ей, потому что от этого зависело спасение их обоих. А этот, тот, что здесь лежит... Женька оглянулась на него. Ей не было дела до этого попавшего в беду человека, она не имела абсолютно никакого отношения ни к нему, ни к его проблемам. Быть может, он уже мертв. А если и нет, то, находясь без сознания, все равно даже не почувствует, когда его найдут и вгонят в него последнюю пулю... Так Женька говорила себе и в то же время, не торопясь уходить, со страхом прислушивалась к медленно приближающимся голосам. Как она и предполагала, охотники приступили к обыску. И Туману это очень не нравилось, поэтому нужно было как можно скорее увести его отсюда, пока он не выдал их с Женькой присутствия, пока снова не надумал кинуться, легко увлекая ее за собой. Но, теряя драгоценные секунды, Женька все никак не могла сдвинуться с места. Потом, не выпуская из рук ошейника, подалась вперед, склонилась к лицу незнакомца, надеясь убедиться в том, что он уже не дышит. Но он дышал, он был жив.

– Чтоб тебя! – шепотом выругалась Женька, как будто незнакомец просил ее о помощи или хотя бы мог ее услышать. – Ну что я могу с тобой сделать?

Придерживая Тумана одной рукой, другой она попыталась потянуть незнакомца за рукав, но тут же осознала тщетность своей попытки. Мужчина был немаленького роста, кроме того, по его плечам было заметно, что он регулярно посещает тренажерный зал, наращивая там мышечную массу. А вот диеты он при этом явно не соблюдал, что добавило ему еще несколько килограммов. В общем, всего в нем было их около ста, если еще не с лишним, что для Женьки, едва ли весящей больше пятидесяти, было абсолютно неподъемным грузом. Она и с Туманом-то, по большому счету, справиться не могла, хотя он весил поменьше раненого незнакомца.

«А если... – подумала вдруг она, переводя взгляд с Тумана на лежащего и обратно и вспоминая, с какой легкостью могучая овчарка только что тащила ее на себе. – А если как-то обвязать этого типа веревкой да приладить эту веревку к ошейнику? Туман сможет стащить его с места, у него хватит сил...»

Но, реально оценив ситуацию, Женька поняла, что даже с помощью Тумана не успеет этого сделать, потому что передвигаться по парку с тяжелым незнакомцем они будут гораздо медленнее, чем идущие за ними по пятам бандиты. К тому же, оцупав веревку, Женька обнаружила, что та слишком коротка для ее замысла. А другую взять было негде, разве что бежать за ней домой. Но за это время незнакомца уже найдут, потому что уже сейчас невидимые пока за дымовой завесой убийцы приближаются к нему. Женька пока еще не слышала их шагов, но

периодически ей слышны были их перекликающиеся голоса, пугающие своей холодной деловитостью. Для таких убить – что чашку остывшего кофе выплеснуть, и если они сейчас увидят ее здесь, то, без сомнения, тоже пристрелят. Женька все яснее осознавала эту истину. Надо было бежать, страх гнал ее прочь, но что-то гораздо более могучее продолжало держать на месте. В отчаянии от сознания своей беспомощности Женька стояла, не зная, что предпринять. В горле у нее пересохло, сердце молотом билось о грудную клетку, взгляд тревожно метался вокруг. И тут ей на глаза попала собранная накануне гряда листьев, которую она не подожгла сегодня из-за темноты, после чего решение проблемы пришло само собой, простое, как лепет ребенка. Продолжая тревожно озираться и не отпуская Тумана, Женька снова упала на колени и принялась торопливо сгребать всю кучу, набрасывая ее прямо на лежащего незнакомца.

– Вот, – прошептала она ему, прежде чем чуть слышно шелестящие влажные листья окончательно скрыли его с головой, – это все, что я сейчас могу для тебя сделать. Лежи тихо, и я за тобой вернусь. Ну а уж если не получится – прости, потому что на большее я все равно не способна.

Накинув сверху еще несколько охапок, так что теперь эта куча опавших листьев ничем не отличалась от остальных, собранных по всему парку, Женька начала отступать торопливыми крадущимися шагами, безжалостно перекручивая ошейник и волоча за собой полузадушенного Тумана. Ей не хотелось так с ним поступать, но иначе было нельзя – теперь убийцы были настолько близко, что могли услышать, если бы вдруг Туман надумал зарычать.

Разорвав расстояние между собой и незваными гостями настолько, что перестала различать их голоса, Женька пустилась бегом. Теперь, когда обстоятельства изменились и стало ясно, что не удастся отсидеться в лесу, она бежала домой. Для того, чтобы найти подходящую веревку, и для того, чтобы иметь под рукой надежное средство защиты на тот случай, если вдруг все же не удастся избежать встречи с бандитами. Вначале пытавшийся сопротивляться, Туман теперь послушно шел рядом с ней крупной, размашистой рысью, лишь время от времени пускаясь в тяжелый галоп.

Оказавшись возле дома, Женька с облегчением перевела дыхание. Тяпа кинулся к ней в ноги от крыльца лохматым клубком. Подхватив его, Женька быстро проскользнула внутрь, закрыв за собой и собаками дверь. Теперь, когда между ней и убийцами возникла преграда в виде стен, а не только завеса дыма, она почувствовала себя гораздо спокойнее. Хотя, немного отдышавшись, подумала она, ничто не помешает им заглянуть и сюда, если они этого захотят. При этой мысли, взглянув на собак, Женька быстро прошла в комнату, в дальнюю, вторую, в которой почти и не бывала, вполне довольствуясь одной. Там тоже стоял диван, из тех списанных инвалидов, что пострадали от гостей в доме отдыха. Разрыв его подушки, Женька растегнула «молнию» на одной из них и, покопавшись в набивке, вытащила оттуда небольшую тяжелую коробку. Еще утром Женьке даже и в голову прийти не могло, что когда-нибудь придется доставать эту коробку не в связи с переездом (этого, она надеялась, не произойдет) и не в профилактических целях, а вот так, как сейчас, под давлением необходимости. Но когда по парку за стенами дома разгуливали вооруженные и не собирающиеся шутить бандиты и когда было необходимо действовать почти у них под носом, иного выхода у Женьки не было. Поставив коробку на стол, она открыла ее и торопливо развернула промасленную бумагу. Рука коснулась металла, пальцы привычно легли на рукоять. И, ощущая вселяющую уверенность холодную тяжесть, Женька вытащила из коробки пистолет, после чего быстро, со знанием дела, принялась его заряжать. Пистолет был единственным наследством, доставшимся Женьке от стариков. Точнее, от деда, а возможно, даже и от прадеда. Женька не представляла, откуда он появился в ее родной, прежней семье, лишь знала, что он всегда был у них и что никому не надо было о нем рассказывать. А еще она помнила, как бабушка уговаривала деда сдать пистолет, но он упорно отказывался, из-за чего-то не желая с ним расставаться. И Женька была в этом с дедом согласна, потому что ей нравился этот тяжелый вороненый предмет. Видя ее

интерес, дед научил ее стрелять. Вначале в тире, из пневматического оружия, а позже, когда они уходили подальше в лес, – и из этого, боевого. Наверное, эти воспоминания о походах с дедом и заставили Женьку после его смерти тоже сохранить пистолет. Она сумела это сделать, незаметно вынеся его из разгромленного матерью дома и закопав под корнями большого старого дуба в лесу, где он и хранился до ее переезда сюда.

Зарядив пистолет и поставив на предохранитель, Женька сунула его в карман куртки, сразу почувствовав себя намного увереннее, хотя и надеялась, что не придется в кого-то стрелять, и брала оружие лишь на крайний случай. Потом, высунувшись из надежно скрытого от посторонних глаз густыми зарослями окна нежилой комнаты, прислушалась к тому, что происходит снаружи. Вначале Женька ничего не услышала, но чуть позже из темноты, где она оставила свою кучу листьев, донесся окрик. Сердце у Женьки дрогнуло: неужели нашли?! Но нет, это бандиты лишь обменялись краткой информацией. Где они сейчас? Как близко к укрытому листьями телу? Прошли уже мимо него или нет? Теперь, когда непосредственная опасность больше не грозила ни ей, ни ее собакам, Женька начала не на шутку тревожиться за незнакомца. Сама даже не знала почему. И эта тревога побуждала ее к действиям. Прежде всего, понимала Женька, надо выманить убийцу из парка или хотя бы увлечь подальше от того места, которое представляло для них интерес, потому что тащить незнакомца прямо у них перед носом – смерти подобно, как для нее с Туманом, так и для него самого. Притворив за собой дверь комнаты, Женька пошла на кухню и открыла холодильник. Часть купленных собакам костей она хранила в замороженном виде, и сейчас, вытащив пакет из нижнего ящика, нашла там, как и ожидала, небольшую красную лужицу. Не больше стакана, и не очень похожую по виду на свежую кровь, но если воспользоваться ею с умом, подумала Женька, сливая жидкость, этого хватит, а темнота не даст бандитам почуять подвоха. Строго прикрикнув на рвущегося к дверям вместе с ней Тумана, Женька выскользнула на улицу одна и осторожно направилась к воротам. Вопреки ее опасениям, никто не нес караул возле ворот. Быстро убедившись в этом, Женька выскользнула на дорогу. В том месте, где дорога сворачивала к воротам, на обочине стояли выкрашенные в белый цвет предохранительные бетонные кубари. Обмакнув руку в красную жижу, Женька провела по одному из них, оставляя смазанный отпечаток, потом, немного дальше, брызнула несколько капель. После этого, пробежав в сторону озера, она разлила жидкость тонкой струйкой поперек дороги и плеснула остатки на щебень и траву. В парке раздался какой-то посторонний звук, и Женька вздрогнула, притаившись в кустах. Несмотря на то, что у нее был пистолет, Женька многое отдала бы за то, чтобы не пришлось им воспользоваться, да и численный перевес был не на ее стороне. На какой-то момент ей снова захотелось запереться в своих четырех стенах и забыть о том, что происходит снаружи. И снова она поняла, что не сделает этого. Убедившись, что поблизости как будто все еще никого нет, Женька выбрала из насыпи несколько камней покрупнее, крадучись вернулась к воротам, проскользнула через них обратно в парк и пошла вдоль ограды. Поравнявшись с тем местом, где за дорогой, под насыпью, у нее была вырыта яма под мусор, Женька бросила один из камней, целясь туда. Но от волнения даже размахнуться как следует не смогла, камень выскользнул у нее из рук и упал на дорогу. Следующий полетел уже лучше, но желаемого эффекта не произвел. А вот третий упал как раз на уже сваленную накануне в яму груды пустых бутылок. Одна бутылка разбилась, а остальные начали смещаться, скрежеща друг о друга. И этот звук услышали. Женька сразу же это поняла по движению в парке. Несколько теней метнулись к воротам, едва только Женька успела проскользнуть за дверь. Загнав собак в комнату и не включая свет, она отогнула самый уголок кухонной шторы, выглядывая наружу. В свете парковых фонарей, последняя пара которых была как раз у ворот, ей хорошо были видны выбежавшие к воротам бандиты. Темная фигура застыла на фоне белеющего кубаря, к ней присоединились другие – они заметили свежий кровавый след. О чем они говорили, Женька не могла слышать, но один из них убежал обратно в парк, а остальные стали искать дальше и довольно быстро обнаружили

пересекающую дорогу цепочку кровавых капель. После этого они остановились, глядя в сторону парка, куда убежал их товарищ. Женьке же ничего другого не оставалось, как застыть у окна, дрожа мелкой нервной дрожью, слушая собственное отдающееся в ушах дыхание и спрашивая себя, что же они задумали. И вскоре, словно отвечая на ее вопрос, на дорожке мелькнул свет фар, и к воротам выехал внедорожник. Не бандитский, а другой, черный. Он не был помят, а это означало, что услышанный Женькой удар получила вторая машина. Эта же, развернувшись за воротами, была остановлена так, чтобы ее фары светили в сторону озера. После этого один бандит, который очень заметно прихрамывал, пострадав, очевидно, при столкновении своей машины, остался возле чужого внедорожника, а остальные – теперь Женька видела, что их было трое, – стали спускаться к воде, попутно осматривая кусты и не выпуская пистолетов из рук.

Женька оглянулась на дверь. Сердце заколотилось еще быстрее, хотя, казалось, это было уже невозможно. Но если она собиралась действовать, то надо было начинать прямо сейчас. Вытащив из стоящего в крохотной прихожей ящика со всяким скарбом длинный брезентовый ремешок, Женька приоткрыла дверь в комнату, выпуская Тумана. Тяпа тоже намеревался проскользнуть за ним, но Женька цыкнула на него, и он, поджав обрубок хвоста, отошел. Встал боком, обиженно глядя на Женьку.

– Место! – безжалостно приказала она.

Тяпа побрел к креслу, а Женька, прихватив ремешок и веерные грабли без ручки, вместе с Туманом выбежала на улицу. Крадучись спустилась с крыльца и снова побежала, увлекая Тумана за собой. Ежедневно работая в парке в течение нескольких лет, она научилась ориентироваться в нем почти как у себя дома, и найти оставленную кучу листьев, даже в темноте, ей не составило никакого труда. Сдержав дыхание, Женька прислушалась – мало ли, вдруг кто-то еще остался и бродит здесь? Но теперь в этой части парка было тихо, и, решившись, Женька быстро раскидала листья. Незнакомец лежал под ними в прежней позе. Дышал он тяжело, но все-таки был жив. С большим трудом Женьке удалось перевернуть его на спину, после чего она торопливо обвязала его ремешком и закрепила оба конца на ошейнике у Тумана.

– Ну, давай, Туманушка, – тихо сказала она, прежде еще раз тревожно вслушавшись в тишину. – Я помогу тебе.

Быстро сообразив, что от него требуется, Туман потянул вперед. Положив грабли на живот незнакомца, Женька тоже принялась тащить его, вцепившись в пиджак. Самым сложным оказалось сдвинуть бесчувственное тело с места и развернуть его в нужном направлении, дальше дело пошло быстрее. Но, продвинувшись метров на тридцать, Женька остановила Тумана.

– Стоять, Туманушка. Отдохни.

Пес послушно замер, а Женька метнулась назад, прихватив с собой грабли. Вернувшись к куче, она подправила ее, стараясь сделать так, чтобы листья полностью скрыли натекшую кровь, потом пошла обратно по их с Туманом следу, старательно разравнивая граблями траву, примятую протасненным по ней тяжелым телом. Вновь добравшись до Тумана, Женька опять ухватилась за пиджак, и они вдвоем снова двинулись дальше. Так они и пробирались вперед, периодически останавливаясь, чтобы прислушаться и замести за собой следы. Туман устал и высунул язык, а Женька, которой вместо доступных Туману кратких передышек приходилось бегать с граблями туда-обратно, вообще дышала как загнанная. Но чувство близкой опасности побуждало ее двигаться как можно быстрее, и она рвалась к своему домику из последних сил.

Когда до домика оставалось метров десять, не больше, Женькины силы были уже на исходе. Налившиеся тяжестью руки с трудом удерживали выскальзывающий пиджак, лицо и горло горели. И даже страх перед блуждающими где-то у озера бандитами отступил, притупленный усталостью. Но об осторожности Женька все же не собиралась забывать. Оставив высунувшего язык Тумана отдышаться в упряжке, она осторожно прокралась к дому и выглянула за

угол, желая узнать, что творится у ворот. Как оказалось, там все было без особых изменений. Автомобиль стоял все на том же месте, только теперь был повернут в сторону построенного на берегу ангара, где зимой хранился пляжный инвентарь. Фары светили в темноту, как два прожектора, и где-то у озера в свете этих лучей бандиты продолжали искать свою жертву.

– Недолго вам осталось мучиться, – с усмешкой прошептала Женька, хорошо знающая повадки лесного озера. – Скоро начнет наползать туман, и черта с два вы в нем что-нибудь увидите. Хорошо, если еще друг друга не растеряете да не подстрелите по ошибке.

Снова скрывшись за углом дома, Женька отперла дверь, после чего вернулась к Туману и шепнула:

– Ну, давай, Туманушка. Осталось совсем немного. Правда, это будет труднее всего...

Снова вцепившись в плотную ткань пиджака, Женька потащила что было сил. Путь, оставшийся до крыльца, пролегал не в такой уж темноте, и стоило кому-то со стороны озера бросить сюда случайный взгляд, как он сразу бы уловил здесь движение. И вряд ли не захотел бы проверить, что же именно тут движется. Ни на миг не забывая об этом, Женька волокла тяжелое тело, вкладывая в этот последний рывок все остатки своих сил и шепотом подгоняя Тумана. До крыльца они добрались с рекордной скоростью. Оставалось преодолеть ступени. У озера один из бандитов снова что-то громко произнес. В пустынной береговой тишине его голос прозвучал так, как будто он стоял рядом с Женькой. Она вздрогнула, замерла. Но оказалось, что это бандиты просто переговаривались по сотовым телефонам и просили своего напарника снова переставить машину. Он сел за руль. Мотор дорогой иномарки заработал так тихо, что Женька почти не услышала звука, а лишь увидела, как машина тронулась, разворачиваясь. Пользуясь случаем, Женька тоже принялась разворачивать незнакомца перед крыльцом, чтобы удобнее было его затаскивать. Упав на колени, она уперлась в него обеими руками, понемногу сдвигая с места. Потом, решив, что уже достаточно, скользнула согнутой тенью на первую ступеньку крыльца, опять занимая свое место рядом с Туманом.

Затащив незнакомца в дальнюю комнату и оставив на полу, Женька в последний раз выскочила из дома с граблями. Пригибаясь к земле, она разровняла последний участок пути, после чего вернулась и на этот раз окончательно заперла за собой входную дверь. Дома Тяпа уже пытался обнюхать незваного гостя, подбираясь к нему на полусогнутых лапах, поджав свой куцый хвост и в любую секунду готовый задать стрекача. Туман же лежал на полу перед порогом дальней комнаты. Дышал он тяжело, язык устало свешивался наружу через брешь, оставленную выбитыми зубами, но все же он выполнял свои обязанности так, как их понимал, не сводя с происходящего в комнате глаз. Женька налила в миску воды, принесла ее и поставила перед Туманом, после чего прошла мимо него к раненому человеку. Окна дальней комнаты, где он лежал, давно заросли снаружи кустами настолько, что их почти невозможно было разглядеть даже зимой, когда не было листьев, но все же сегодня Женька не решилась включить здесь верхнее освещение. Вместо этого, плотно задернув шторы, она установила в кресле настольную лампу, направив ее свет на незнакомца. Теперь необходимо было найти, куда же именно ранен ее вынужденный гость. Прежде всего Женька расстегнула пиджак, ею же самой застегнутый на все пуговицы еще в парке, чтобы не сползал, когда она вцеплялась в рукав и воротник. И как только она раскинула промокшие от крови полы пиджака, то увидела в рубаше дыру. Пробитая пулей дыра находилась слева, ниже сердца, и при каждом вздохе незнакомца из нее вперемешку с кровавыми пузырями то вырывался, то со всхлипом втягивался воздух. Это зрелище заставило Женьку тихонечко чертыхнуться. «Открытый пневмоторакс», – пришли ей на ум слова откуда-то из прошлого. И даже не ее слова, а сказанные бабушкиным голосом. И бабушка, и дед по Женькиной просьбе иногда рассказывали ей истории из медицинской практики. Их радовало, что Женька проявляет к этому интерес, поэтому рассказывали они обстоятельно, надеясь, что и внучка когда-нибудь станет врачом. Надеждам этим не суждено было сбыться, но полученные знания все же сослужили Женьке добрую службу. Они пригодились,

когда она притащила домой забитого почти насмерть Тумана, не имея денег на вызов ветеринарного врача. Пришли на помощь и сейчас. Бабушка рассказывала о ранениях грудной клетки так подробно, что, едва увидев хлюпающую кровавой пеной дыру, Женька сразу же поняла, что это такое. А также сразу осознала всю опасность этого ранения. Пуля повредила легкое, и теперь оно, опавшее из-за нарушения герметичности грудной клетки, не могло участвовать в нормальном дыхании, но все же гоняло воздух туда-сюда через образовавшуюся дыру.

«...это наиболее опасно, – говорила бабушка. – И не только из-за не прекращающейся кровопотери, но также из-за того, что такое трепыхание легкого отрицательно сказывается на работе сердца»... Женька ухватила незнакомца за руку. Да, пульс был частый, прерывистый. Совсем не такой, какой способен был внушить надежду на благополучный исход.

– Вляпалась же ты, голубушка, – тихо сказала сама себе Женька. Но отступать было поздно. Умирал незнакомец или нет, но он лежал на полу Женькиной комнаты, притащенный сюда ею же самой, поэтому все, что ей теперь оставалось, – это приложить все силы к тому, чтобы их с Туманом риск и труды не оказались напрасными.

На ходу припоминая, что слышала когда-то от бабушки, Женька принялась шарить в шкафу, где еще после Тумана оставались кое-какие медикаменты. Вытащив все, Женька взяла толстый перевязочный пакет, потом отыскала в доме кусок чистого полиэтилена, потом взяла простыню и свернула косынкой. При открытом плевмотораксе, наиболее опасном из всех, прежде всего надо перевести его в закрытый, вспоминалось ей. Для того, чтобы замедлить потерю крови, а главное – устранить злое хлюпанье пробитого легкого. Вооружившись тем, что было, Женька задрала на незнакомце рубашку, положила толстый слой ваты и марли на рану, потом, просунув руку ему под спину, нащупала там второе отверстие от пули. Значит, ранение сквозное, и пуля прошла навывлет. Теоретически это должно было являться хорошей новостью, хотя практического толка Женька в этом и не видела. Через оба пулевых отверстия незнакомец потерял немало крови и выглядел сейчас бледнее своей светлой, серебристо-серой шелковой рубашки.

«Умрет ведь, – подумала Женька, подсовывая второй ватно-марлевый слой незнакомцу под спину. – Если уже не умирает...»

Однако, наложив поверх обеих толстых салфеток по куску полиэтилена, чтобы окончательно загерметизировать пулевые отверстия, и зафиксировав все это пластырем, Женька принялась, с трудом ворочая тяжелое тело, обвязывать его простыней. Исхитрившись подстелить середину свернутой простыни незнакомцу под спину, Женька соединила оба ее конца у него на груди, с правой стороны, и принялась туго стягивать их. Покончив с этим, Женька прислушалась, склонившись над незнакомцем. Зловещего свиста из раны больше не было слышно, но и в дыхании левое легкое, похоже, больше не участвовало. И вообще левая половина груди незнакомца, стоило лишь постучать по ней пальцем, издавала глухой, совсем не свойственный наполненному воздухом органу звук. Там наверняка скопилась вытекшая из пробитого легкого кровь, и откачать ее Женька не могла, потому что даже приблизительно не знала, как это можно сделать. Это означало, что ее гостю просто необходима помощь квалифицированного врача. Но как ее получить? Вот в чем заключался главный вопрос. Проще всего было бы вызвать «Скорую», но, во-первых, вряд ли бродящие поблизости бандиты оставят без внимания подъехавшую к парку спецмашину и выпустят ее отсюда с тем грузом, который она возмет. А во-вторых, и вызвать помощь Женька не знала как. Ни на своем доисторическом кнопочном телефончике, который ей дал хозяин для связи, ни тем более на аппарате найденыша, огромном сенсорном монстре, каких Женька до этого даже в руках не держала. Он выпал из внутреннего кармана его пиджака вместе с кожаным портмоне, когда Женька ворочала его, делая перевязку. Она повертела его и отложила в сторону. Взяла свой. Для проверки попыталась набрать вначале «ноль», затем «три», но нажать на кнопку вызова так и не решилась. И звонить хозяину, посвящая его в сегодняшние события и особенно афишируя свое собствен-

ное участие в них, Женьке отчего-то совсем не хотелось. Теперь ей оставалось лишь, отложив в сторону бесполезный телефон, действовать на свой страх и риск. Чем она и занялась, сделав незнакомцу несколько уколов из оставшихся после Тумана лекарственных запасов, которыми ее снабдили в больнице знакомые медсестры, когда она обратилась туда со своей бедой. Сроки годности у лекарств, как убедилась Женька, еще не истекли, ну а ситуация была в чем-то сходной. В любом случае больше Женька сделать ничего не могла, как бы ни хотела. А хотелось ей, очень хотелось сделать все возможное для того, чтобы найденыш выжил. И вовсе не потому, что она боялась осложнений для себя в случае его смерти. Если не выживет, уже решила для себя Женька, то она просто выволочет его отсюда подальше, к озеру, снова с помощью Тумана, да и оставит там. На теле и на одежде, насколько ей было известно, отпечатков пальцев не остается, портмоне же с телефоном можно где-нибудь зарыть – и пусть потом кто-нибудь попробует доказать, что она имеет хоть какое-то отношение к этому трупу. Но пока еще у Женьки на руках был, слава богу, не труп, и оставалась надежда, что в ближайшее время он им и не станет. Немного передохнув после всех своих усилий – незнакомец был слишком тяжелым для того, чтобы такая, как она, могла ворочать его, не надрываясь, – Женька решила устроить его получше. Понимая, что на диван она его затащить не сможет, скинула с дивана подушки и разложила на полу. Потом, умудренная опытом за тот год, что проработала санитаркой, расстелила сверху клеенку и лишь потом разложила сверху простыню. После этого, кое-как и с передышками, поскольку здесь ей Туман помочь уже не мог, сумела переместить незнакомца на приготовленную для него постель. Подложила подушки ему под спину и под голову, укрыла одеялом. Тут телефон незнакомца неожиданно ожил: засветился экран, заиграла музыка. Женька вздрогнула от неожиданности, но потом все же подошла к этому хитрому предмету. На экране она увидела надпись: «Варяг». Первым Женькиным побуждением было ответить на этот звонок. Рассказать этому неведомому Варягу, что здесь произошло, и пусть бы он сам после этого обеспечивал помощь своему другу.

«А впрочем, другу ли? – тут же подумала Женька. – Нет ведь никакой гарантии, что это звонит не один из тех, кто его заказал».

Эта мысль сразу же отбила у нее охоту отвечать на телефонные звонки. И, убрав телефон подальше, чтобы больше не зудел над ухом, Женька потянулась к выпавшему вместе с ним из пиджака портмоне. Чувствуя себя не очень-то ловко, как будто совершала нечто постыдное, она все же открыла его – надо было узнать хотя бы, кто этот человек, который так внезапно появился, словно с неба свалившись в ее жизнь. Вдруг Варяг – это его фамилия? Тогда было бы все в порядке: значит, звонил один из членов его семьи. Но первым, что бросилось Женьке в глаза, были не документы, а деньги. Две пачки в двух незастегнутых кармашках, далеко не самые тоненькие, в одной – отечественные купюры, а в другой, как догадалась Женька, ни разу не имевшая дело с иностранной валютой, – наверняка доллары. Женька не стала их вынимать, а лишь отогнула слегка пальцем, чтобы убедиться, что больше там ничего нет, после чего принялась обследовать отделения, застегнутые на «молнии». Там были всевозможные карточки, сделанные, если судить на ощупь, из гибкого пластика, некоторые с фотографиями, но Женька лишь перебирала их, не вытаскивая, пока в одном из отделений не нашла паспорт. Это была единственная вещь, способная ответить на максимум Женькиных вопросов, и вот его-то она и вытаскила на свет. С фотографии на нее взглянуло уже знакомое лицо. Вот только сейчас, пока он лежит, такой беспомощный, он гораздо симпатичнее, отметила Женька, и даже выглядит моложе. А так... Выражение лица слишком самоуверенное, на губах усмешка, уж никак не улыбка, и взгляд какой-то... Женька не могла подобрать слова, способного охарактеризовать этот взгляд. Он был подобен прущему напролом танку, который не останавливается ни перед чем. Впервые у Женьки мелькнула мысль, что, может быть, и не зря найденыша пытались убить. Но все же четверо с пистолетами на одного безоружного – это был способ, ясно дающий понять, что враг ничуть не лучше, а, скорее всего, даже гораздо хуже его, Загорова

Владлена Валентиновича. Женька прочитала эту фамилию, и она показалась ей знакомой. Где-то она ее уже слышала, только где? По радио? Как будто нет. Сразу и не вспомнить, но слышала точно. Не торопясь утруждать свою память, Женька перелистнула страницу. Адрес у парня соответствовал всему его облику: Западная улица, та самая, на которой стояли у них в городе шикарные многоэтажные особняки, выстроенные далеко не бедствующими жителями. Хозяин «Лесного озера» как-то вскользь заикался о том, что тоже мечтает построить себе дом на престижной улице, вот только возможности пока не позволяют этим мечтам осуществиться. А вот у Владлена Валентиновича возможность жить там уже была, хоть он и моложе. Женька не знала, сколько лет хозяину дома отдыха, но уж наверняка побольше тридцати двух, а именно столько, если верить паспорту, было Владлену. Имя его Женьке не понравилось, как не понравилось и лицо на фотографии. А вот фамилия... Ну где она могла ее слышать? Задумавшись, Женька пролистала паспорт до конца. Военнообязанный. Странно. Мог бы и отмазаться при таких деньгах, какие, судя по всему, у него водились. Женат уже три года, но детей, если верить все тому же паспорту, до сих пор не завел. Поскольку это было все, о чем мог рассказать ей документ, Женька закрыла его и вернула на место, а портмоне убрала к телефону. Экран у телефона светился – снова попытка дозвониться неведомый Варяг. Но теперь у Женьки не было оснований считать его родственником своего найденыша, и она со спокойной душой предоставила телефону возможность играть его музыку дальше.

Утро застало Женьку хмурой и невыспавшейся. Ночью она беспрестанно просыпалась и прислушивалась к дыханию незнакомца, а по истечении срока действия лекарств снова сделала ему уколы. И именно ночью, как ни странно, во время своего очередного краткого отдыха она и вспомнила наконец, почему ей известна эта довольно редкая фамилия – Загоров. Валентин Загоров был одним из крупных местных то ли бизнесменов, то ли чиновников. Чем именно он занимался, Женька, естественно, понятия не имела, поскольку никогда не читала попадавших к ней время от времени газет. Так, просматривала иногда, уделяя внимание разве что кроссвордам, анекдотам да исследовательским статьям, до остального же ей просто не было дела. Но фамилия Загоров настолько часто мелькала на страницах местных изданий, что успела-таки запомниться. Желая проверить свои догадки, Женька откопала в ящике из-под картошки одну из газет. Да, Валентин Иванович Загоров. А этот – Валентинович, значит, скорее всего, его сын. При этом открытии симпатии к нему у Женьки не прибавилось. Но все же, глядя в его бледное лицо, на такие мягкие сейчас его черты, она понимала, что сделает все возможное, чтобы спасти ему жизнь. Откинув одеяло, Женька осмотрела повязку. Лекарства, судя по всему, подействовали, потому что кровотечение, кажется, прекратилось. Во всяком случае, через салфетки кровь не просочилась, и дыхание не стало поверхностнее. С повязки Женька переключила внимание на постель, но и она была сухой – скорее всего, почкам после массивной ночной кровопотери просто нечего было выводить.

«А ведь ему надо с чего-то восстанавливать эту потерю жидкости», – подумала Женька. Пройдя на кухню, она налила в банку воды. Немного подумав, добавила туда понемногу соли и сахара. На вкус это было довольно противно, но сейчас не до вкуса, важна польза. Собаки, появившись на пороге кухни, вопросительно посмотрели на Женьку.

– Сейчас и вас буду кормить, подождите. – Женька ласково потрепала на ходу пушистые загривки и, вернувшись в комнату, принялась вливать жидкость из банки незнакомцу в рот. Лила за щеку, осторожно, чтобы не угробить собственными же руками после того, как приложила столько сил к его спасению. Он глотал, не давился. Влив все, Женька снова сделала уколы и подложила еще одну подушку ему под спину, чтобы немного изменить положение тела. Потом пошла на кухню разогревать кашу собакам. Пора было идти в парк, продолжать уборку. Важно, чтобы со стороны сегодня все выглядело как обычно и чтобы никто, даже Аля,

не заподозрил, что у Женьки происходит что-то неординарное, и уж тем более – что у нее дома лежит с огнестрельным ранением полумертвый сын местного босса.

Прежде всего Женька проверила оставленные накануне вдоль дороги костры, так своевременно обеспечившие вчера дымовую завесу, разгребла золу, а потом отправилась в глубину парка. Там она подожгла уже собранные кучи листвы, и одной из первых – ту, что укрывала ночью незваного гостя, желая уничтожить все следы его пребывания в парке. Потом она принялась сгребать оставшуюся листву, собирать мусор. Ее неудержимо тянуло пройти к особняку, туда, где, как она слышала, врезалась ночью во что-то машина бандитов, но она не решилась сделать это. Невыспавшаяся, с тяжелой головой и вытянутыми в струны нервами, Женька все ждала откуда-то неприятных сюрпризов, а порой как будто еще и ощущала на себе чей-то взгляд. Скорее всего, это была лишь игра ее взвинченного последними событиями воображения, но, завозившись со своим найденышем, она так и не узнала, чем кончились поиски у озера, и не слышала, когда уехали бандиты. Все, что она знала, – это то, что уцелевшего черного внедорожника больше нет возле ворот. Но вот куда его отогнали и не вернулись ли после этого бандиты в парк, чтобы осмотреть его еще раз, при дневном освещении, – этого она знать не могла.

Чья-то фигура показалась на дорожке, заставив Женьку вздрогнуть, но это оказалась всего лишь Аля, отыскивавшая ее по дыму разожженных костров.

– Здравствуй, Женечка! – поздоровалась Аля, протягивая ей пакет. – Вот, возьми, я тут твоим собакам собрала, что «орда» не доела.

– Спасибо, Алечка. – Женька взяла пакет. Прокормить собак ей было непросто, ведь туман по размерам вряд ли уступал теленку. Вот почему Аля, зная о ее затруднениях, разбирая оставшиеся после отъезда «орды» продукты, всегда собирала ей со столов и из холодильников то, что уже не считала возможным взять домой. – Как там у тебя сегодня? Работы много?

– Ой, и не спрашивай, – отмахнулась Аля. – Непочатый край. Но, слава богу, хоть уехали наконец. Теперь можно спокойно наводить порядок до следующего раза. А ты бы, кстати, убрала вначале перед особняком, а то вдруг хозяин нагрянет, сделает недовольную физиономию.

– А что там, большой хаос? – Женька внутренне насторожилась, ожидая услышать рассказ про красную машину.

– Да какой-то дурак разбил каменную вазу во дворе, самую большую, ту, что с цветником, – сообщила Аля.

– Вот уж воистину дурак! – согласилась Женька и потом почему-то сочла нужным добавить: – Они тут под конец, после полуночи уже, бесились так, как будто хотели сделать это впрок. Я думала, уже все уехали, подожгла костры и ушла, а потом слышу – нет, кто-то еще здесь. До домика опять доносились отголоски их праздника.

– Да? – Аля как-то искоса посмотрела на Женьку. – Ну зато сегодня точно никого уже нет, кончилось их время. А ты перед особняком все-таки прибери, мало ли...

– Хорошо, – кивнула Женька. – Спасибо, что подсказала.

Аля ушла, а Женька принялась догребать листву с уже почти очищенного участка. Потом, раз у нее появился теперь для этого повод, она сходила к особняку и посмотрит, что там. Каменный цветник разбит, конечно же, врезавшейся в него машиной, но вот сама машина, значит, куда-то исчезла. Не иначе как бандиты под утро забрали ее с собой. Своим ходом или же прицепив к той, черной. По идее, так они и должны были поступить, и ничего в этом странного нет. А вот Аля повела себя сегодня странно. Женька не сразу сумела это понять, лишь что-то подсознательное заставило ее насторожиться. Теперь же, размышляя за своей нехитрой работой, Женька пришла к выводу, что Аля специально наводила разговор на ночные события. Во-первых, она никогда раньше не указывала Женьке, с чего стоит начать уборку. Во-вторых, хозяин недовольной физиономии никогда не делал, если видел, что работа идет своим чередом, а где

вначале – в парке или перед особняком – это было ему безразлично, если особняк пустовал. А в-третьих, Аля впервые пришла сегодня в парк, чтобы вручить Женьке пакет. Обычно она, занятая работой, дожидалась, когда Женька, делая свое дело, приблизится к особняку, и уж там вручала ей все, что считала нужным. Не торопясь с выводами, Женька все же не упускала из виду такой возможности, что кто-то из бандитов заплатил Але, чтобы она расспросила Женьку, что здесь было ночью. Аля всегда была рада возможности заработать. Можно сказать, мысль о зарплате стала для нее навязчивой идеей, и ее можно было понять, ведь старалась она ради операции единственному тяжело больному ребенку. Ну а истинных причин своего интереса бандит мог ей и не называть. И представился, естественно, не бандитом.

Покончив с очередным участком, и не раньше того, Женька, как и собиралась, направилась к особняку. Вести себя, решила она, надо очень осмотрительно. Но не успела она еще подойти к пострадавшему цветнику, как Туман неожиданно насторожился.

– Ты что? – спросила у него Женька, стараясь скрыть испуг в своем голосе, и очень своевременно ухватила его за ошейник – на ведущей к особняку дорожке показались двое дюжих молодцов. Направлялись они навстречу Женьке, но тут Туман заявил о себе во весь голос, перемежая рычание басовитым лаем, и заставил их остановиться. Тяпа тоже пытался присоединиться к Туману, но на него Женьке достаточно было цыкнуть. А вот Туман, хоть и поутих, но всем своим видом показывал этим двоим, что они здесь нежеланные гости.

– Держи свою собаку, – крикнул издали один из молодцов, хотя Женька и так вцепилась в ошейник обеими руками.

– А я и держу, – сказала она. – Вам-то что здесь надо? Срок аренды особняка закончился еще вчера, а хозяина здесь нет.

– Нам поговорить надо, – отозвался все тот же.

– Надо – говорите оттуда, – сказала Женька. – Подслушивать здесь некому.

Молодец, похоже, выматерился себе под нос, но второй легонько толкнул его в бок и взял инициативу на себя.

– Слушай, – начал он, – ты тут, пока по парку ходила, нигде такого амбала здоровенного случайно не видела валяющимся? Дружок у нас потерялся. Наверное, перебрал и свалился где-нибудь.

– Нет, – не моргнув глазом, соврала Женька. – Протрезвел, поди, уже ваш дружок, да и сам уполз восвосяи. Не первый случай.

– Видишь ли, этот сам протрезветь не мог, – возразил бандит. – Он был, возможно, не совсем здоров.

– Если бы я нашла такого, то давно бы уже вызвала «Скорую», – без запинки ответила Женька. – Мое дело – парк убирать, а не связываться с перебранными наркоманами.

– Ну ладно, полегче, – одернул ее собеседник.

– А что полегче-то? – повела плечами Женька. – Сами мне только что дали это понять.

Глядя ей в лицо, неприветливое, но равнодушное, мужики поверили сказанному. Женька поняла это по тому, как они переглянулись. Да, задачка у них была не из легких – найти почти двухметрового раненого детину, который словно растворился в воздухе. Но к ней, как было понятно, они никаких претензий больше не имели.

– Ладно, – примирительно обратился к ней говоривший. – Раз ты такая понятливая, то сообрази, что «Скорая» нам ни к чему. Нам бы только его найти, мы бы его сами в чувства привели, без всякой огласки. Так что, если ты вдруг его увидишь, то позвони вот по этому телефону, – достав из кармана блокнот, он вырвал оттуда листочек и написал номер. – И тебе же самой так будет проще, не возникнет потом ни лишнего шума, ни полиции. А мы тебе еще и заплатим. Это, – он приложил к листку купюру, – задаток.

– Не надо, – отмахнулась Женька. – Вот если найду, тогда и заплатите. А номер положите на землю, я после вашего ухода подойду и возьму, а то у меня собаки к чужим не приучены.

– Хорошие собачки, – похвалил бандит. Похвалил неискренне.

Только после их ухода Женька перевела дух. Если бы эти двое только знали, чего ей стоил этот ее угрюмо-равнодушный вид! И как у нее тряслись все поджилки. Благо Туман обеспечил ей хорошую дистанцию с этими собеседничками. Потрепав серого бойца по загривку, Женька подобрала листок с телефоном и пошла к особняку, откуда послышался шум мотора отъезжающей машины. Значит, поняла Женька, они действительно успели переговорить вначале с Алей. Машина промелькнула перед Женькой, серебристая легковушка, ничего общего не имеющая с теми, что были здесь ночью. А вот перед разбитым цветником Женька обнаружила мелкие чешуйки красной автомобильной краски, несколько осколков черного пластика и серебристого стекла. Оглядевшись, она сумела заметить еще и следы колес. Один след, поуже, извиваясь, вел к цветнику, а другой, более широкий, шел к первому под острым углом. Очевидно было, что Владлен, понимая, что ему никуда не уйти от своих преследователей, намеренно притормозил и подрезал их, чтобы они врезались в этот самый цветник. Скорее всего, он появлялся здесь раньше и был знаком с территорией двора, в то время как для бандитов выросшая у них на пути сразу за поворотом огромная каменная ваза стала внезапным и крайне неприятным сюрпризом. И пока они приходили в себя после столкновения, подумала Женька, он, скорее всего, и успел скрыться, выскочив из своей машины, но либо был уже ранен, либо не ушел от пущенной вдогонку пули. Как это было, Женька не знала наверняка, но зато могла сделать вполне определенные выводы о характере своего вынужденного гостя. Отчаянный и вместе с тем хладнокровный, раз не потерял присутствия духа даже в последний момент погони, а действовал с изрядной долей риска и совершенно осознанно. Сделав такое заключение из увиденного, Женька не стала больше мешкать, а принялась собирать в кучу каменные осколки разбитой вазы. Надо будет напомнить Але, чтобы по телефону из города сообщила обо всем хозяину, пусть побеспокоится о ремонте. А еще надо все поскорее убрать, чтобы вернуться домой. Ведь там, живой или мертвый, а все еще лежит тот, кто так отчаянно боролся в этом парке за свою жизнь.

3

Едва закрыв за собой входную дверь, Женька сразу же кинулась в дальнюю комнату. Там все было без изменений, разве что дыхание у Владлена стало поспокойнее. Надеюсь, что это ей не кажется, а так и есть на самом деле, Женька снова сделала на кухне свой сахарно-солевой раствор, и пока собаки ели кашу, приправленную Алиным угощением, опять принялась поить своего гостя. Потом взялась за уборку. Вчера она не заметила, что на полу остались кровавые следы, тянущиеся от самой входной двери и через всю комнату, а сегодня это сразу бросилось ей в глаза. Слава богу, подумала Женька, что бандиты встретились сегодня с ней в парке, а не надумали нагрянуть домой, иначе вряд ли ушли бы так просто. Представив себе, что могло бы быть, Женька содрогнулась. Нервы у нее были на пределе. Истошенная тем напряжением, в котором пребывала с прошедшей ночи, она не могла ни уснуть, ни спокойно сесть, ни даже проглотить хоть что-нибудь. Закончив уборку, она принялась гладить белье, потом взялась пришивать к покрывалу оторвавшуюся оборку, чувствуя потребность чем-то занять руки. Время от времени она прерывала работу и заглядывала в соседнюю комнату, чтобы удостовериться, что там все в порядке, да сделать что-нибудь из того, что считала нужным. И в конце концов ее усилия увенчались успехом: ближе к полуночи Женька увидела глаза своего гостя уже не на фотографии, а в реальной жизни. Он открыл их, обвел комнату непонимающим взглядом, потом остановил свой взгляд на замершей Женьке и попытался что-то у нее спросить. Но голос отказался ему служить, и попытка заговорить закончилась хриплым кашлем.

– Тише. Повернись на бок. – Женька подошла к нему и помогла осуществить свой совет. Когда приступ кашля миновал, она спросила, дав ему возможность отдышаться: – За тобой вчера гнались, в тебя стреляли. Ты помнишь?

– Помню, – тихо и хрипло выговорил он. – Ты-то кто?

– Вообще-то хозяйка этого дома, – ответила Женька, уязвленная формой заданного вопроса. – Ты вчера решил свалиться чуть ли не мне под ноги, вот мы с собакой и притащили тебя сюда.

– Так это ты... была там, в парке? – спросил он. – А я вначале подумал, что кто-то из этих стрелков. Думал, хоть одному шею напоследок сверну. Повезло тебе, что не дошел...

– Это тебе повезло, что Туман тебя не загрыз, – парировала Женька.

Представлять Владлену собак не пришлось: едва услышав голоса, те сами возникли на пороге. И, окинув Тумана взглядом, о везении он спорить уже не стал. Спросил:

– А те... Они сейчас где?

– Уже уехали, – ответила Женька. – Ты ведь пробыл без сознания почти целые сутки, так что у них просто терпение кончилось тебя разыскивать.

Он провел рукой по груди, ощупал повязку.

– Огнестрельное ранение грудной клетки, – доложила Женька, не дожидаясь вопроса. – Достаточно паршивое для домашних условий. Надо тебе в больницу, только я не уверена была, что тебя и там не найдут.

Он перевел взгляд на свой заскорузлый от крови пиджак, накиннутый Женькой на спинку стула, и спросил:

– А мой телефон... ты его не находила?

– Находила. – Женька вытащила и телефон, и портмоне. – Тебе вчера без усталости какой-то Варяг по нему названивал.

– И разрядил всю батарею, – проворчал он, нажав на какие-то кнопки, на которые телефон так и не среагировал. – Может, дашь своим воспользоваться?

– Только на моем с деньгами туго, – сообщила Женька, успевшая проверить баланс. – Так что вписывайся в несколько слов. Скажи, что ты в сторожке, у ворот, ведущих в парк дома отдыха «Лесное озеро»...

Еще не дослушав до конца, он набрал номер по памяти, пренебрежительно фыркая буквально над каждой нажатой кнопкой. Ответили почти сразу, и Женька услышала в трубке голос пожилого мужчины:

– Алло! Кто это?

– Пап, это я.

– Влад! Слава богу! Ты где? Я уже и не...

– Пап, слушай, – перебил его Влад. – Я ранен, лежу в сторожке у «Лесного озера», мы здесь были в прошлом году с Кристинкой. (А жену-то его зовут Элла, машинально отметила Женька.) Приехать не могу, говорить долго тоже – телефон тут слишком убогий. Пусть ко мне сюда придет Корней, только не на своей машине, и никому пока ничего не говори. Я все объясню Корнею, а он тебе...

Последнюю фразу он говорил уже в отключившийся телефон. Выругавшись себе под нос, небрежно отбросил замолчавшую трубку в сторону. Женька тоже молчала, рассматривая его. Едва очнувшись, он уже стал самим собой – таким, как на фотографии. В его словах, в его облике – во всем ощущалась напористость, едва ли не граничащая с агрессивностью. Это впечатление еще усилилось, когда он перевел на Женьку взгляд своих темно-серых, словно отлитых из металла глаз. В мгновение ока она почувствовала себя раздетой, просвеченной насквозь, оцененной с ног до головы, да еще как будто и чем-то обязанной этому лежащему на полу найденышу. Возмущенная этим осмотром, она, не дрогнув, с вызовом встретилась взглядом с его глазами, когда он посмотрел ей в лицо. Он прищурился, по его губам скользнула усмешка. А потом неожиданно спросил:

– Ну телефон у тебя убитый, а поесть-то хоть что-нибудь в твоём доме найдется?

– Сейчас, – Женька словно очнулась, вспомнив, что он не ел почти сутки. – Но только сразу предупреждаю, что именно что-нибудь.

Метнувшись на кухню, она наложила в сковороду пшенной каши, составляющей в этот день ее собственное меню, добавила масла, разогрела, переложила на тарелку и принесла ему. Но его эти заботы, похоже, не очень-то вдохновили. Критически оглядев кашу, он спросил:

– А больше ничего у тебя случайно нет?

– Случайно могу еще картошки сварить, но хлеб черствый, – информировала Женька. – Еще есть собачья каша, овсянка с костями. Если ты предпочтешь ее, они могут поделиться.

– Спасибо, не надо, – ответил он, ковырнув пшенку ложкой. – Ну что ж, на безрыбье, как говорится, и рак рыба, да?

– Именно так, – с видимым спокойствием кивнула Женька, в то время как внутри у нее все закипало. – Хотя мы с собаками и от черствой корки нос не воротим. Так что – чем богаты, тем и рады.

– Скажи еще: и так, как вы, проклятые буржуи, не жируем, – подсказал он.

– Мне дела нет до того, кто ты и как живешь, – холодно ответила Женька. – Ты нуждался в помощи, и я ее тебе оказала, как могла. Ты попросил есть, и я тебе принесла то, что у меня было. Все это я сделала бы точно так же для любого другого. Чтобы, расставшись с ним через несколько часов, точно так же, как я расстанусь скоро с тобой, даже вслед ему не посмотреть. Главное, чтобы совесть не мучила.

– Живешь высокими материями, да? – усмехнулся он.

– Нет, – спокойно ответила Женька. – Просто живу.

Больше ничего не сказав, он наконец-то отправил в рот ложку каши, потом вторую.

– Ладно, не буду тебе мешать, – сказала Женька. – Пойду чайник поставлю.

К чаю у нее были сухари, и после инцидента с кашей она долго сомневалась, стоит ли их нести. Но потом решила, что ее дело предложить, а уж его дело решать, съедобно это для него или нет. К тому времени, как она вошла в комнату с блюдом сухарей и чаем, каша была уже съедена.

– Спасибо, – сказал он, глядя на приближающуюся Женьку. – А каша у тебя, оказывается, вкусная.

– Уж не побрезгуйте и чаем, сударь. – Женька поставила перед ним и чашку с блюдцем, и блюдо с сухарями, и сахарницу, и вазу с пареными ягодами – она так заготавливала их на зиму, без сахара, и при этом они сохраняли весь свой первозданный вкус.

Покосившись в ее сторону, он пригубил дымящийся ароматный чай. Не дожидаясь его высказываний по поводу самодельной заварки из трав, Женька взяла грязную тарелку и покинула комнату. Выждав какое-то время, она вернулась, неся с собой пластиковую бутылку со срезанным верхом, и, не дожидаясь вопросов, пояснила:

– Это на тот случай, если вдруг надумаешь вылить лишнее.

Он удивленно вскинул брови, потом понял и сообщил:

– Я бы, пожалуй, предпочел добрести до соответствующих коммуникаций.

– Вход в коммуникации со двора, – информировала Женька. – И если ты надумаешь упасть по дороге к ним, у меня уже не хватит сил снова затаскивать тебя в дом, так что пользуйся тем, что есть.

– Тогда уж я лучше потерплю, – ответил он, откидываясь на спину и снова рассматривая Женьку. – И давно ты здесь живешь, в этом... замке?

– Давно, – ответила она, сопровождая свой ответ холодным взглядом.

– Странно. Я здесь отдыхал прошлым летом, но тебя как-то не замечал.

– А я не дорожный знак, чтобы меня все должны были замечать. – Женька собрала посуду, потом осведомилась: – Тебе больше ничего не надо?

– Да нет, – ответил он. – Вот разве что узнать, как тебя зовут, ведь какая-никакая, а все-таки спасительница.

Задетая его небрежным тоном, Женька вначале не хотела отвечать, но потом все же выдала из себя:

– Евгения.

Не желая больше с ним общаться, она развернулась и направилась на кухню. Туман вначале колебался – то ли идти за хозяйкой, то ли остаться и присмотреть за гостем. Агрессивно-сти по отношению к нему пес не проявлял, но и доверять явно не собирался.

– Пойдем, Туманушка. – Женька положила руку овчарке на шею. – Пойдем со мной, моя радость.

Туман пошел, а вот Тяпа, задержавшись, попытался опасно приблизиться к лежащему на полу Владлену. Заметив это, тот сделал попытку подзвать его, но маленький любопытный «храбрец» вовсе не рассчитывал на проявление инициативы со стороны гостя. Пулей вылетев из комнаты, он оказался на кухне вперед Женьки с Туманом и уже оттуда твякнул несколько раз для поддержки авторитета. Подхватив его на руки, Женька села у окна, дожидаясь приезда тех, кто должен будет забрать ее найденыша. Пока он лежал на грани между жизнью и смертью, Женька места себе не находила от тревоги, теперь же, когда он очнулся, его присутствие тяготило ее. И ей хотелось, расставшись с ним, снова очутиться в своем пустом и тихом домике наедине с собаками и завалиться наконец спать, чтобы отдохнуть за все бессонные и напряженные сутки. Но машины все не было. Устав ждать, Женька встала, заглянула в дальнюю комнату. Откинувшись на подушки, Владлен дышал ровно и спокойно. Спит, поняла Женька. И будет спать долго, потому что ослабевшему организму необходимо восстановить свои силы. Пройдя в свою комнату, она тоже легла на диван, глядя на стену, по которой через кухонное

окно должен будет скользнуть свет фар от подъехавшей машины. Ей очень хотелось, чтобы эта машина приехала как можно быстрее.

Разбудило незаметно уснувшую Женьку ворчание Тумана. Она резко вскочила, прислушиваясь, сердце тревожно забилося.

– Ты чего? – по привычке спросила она у Тумана, только на этот раз шепотом. – Что случилось, Туманушка?

Туман, как всегда, ответил ей взглядом – Женька скорее угадала, нежели увидела его в сумерках комнаты. И вдруг, разгоняя эту тревожную тишину и даже как будто этот густой ночной мрак, из соседней комнаты прозвучал обыденный, живой человеческий голос:

– Жень, посмотри, это, кажется, кто-то подъехал.

– Думаешь? – Женька облегченно вздохнула полной грудью. – Сейчас взгляну.

Приоткрыв входную дверь ровно настолько, чтобы не выпустить Тумана, она выглянула на улицу и увидела стоящего по ту сторону ограды человека.

– Вы что здесь ищите? – спросила она, стараясь не показывать вновь охватившего ее испуга.

– Мы к вам, – ответил мужской голос. – Откройте, пожалуйста, ворота, а то нам не проехать, – и, видя, что Женька колеблется, добавил: – Мы по поводу прерванного звонка.

Последняя фраза развеяла Женькины сомнения.

– Секундочку! – сказала она и нырнула в дом – загнать на кухню собак. А после этого, схватив ключи, побежала открывать накрепко запертые в этот день ворота.

У ворот, возле машины, в которой Женька с удивлением узнала старенький «жигуленок», стояли еще двое. Она видела в основном лишь их силуэты, поскольку в отсутствие гостей освещение в парке не включалось, но один из приехавших явно был уже в годах. Высокий и статный седой старик шагнул ей навстречу, едва она отперла замок.

– Здравствуйте, – сказал он. – Где Влад?

Вопрос прозвучал как требование. Сразу узнав уже слышанный по телефону голос, Женька поняла, кто этот старик, и указала на свой домик:

– Я вас провожу.

Но Загорев-старший, словно не услышав ее, уже шел к крыльцу. Его спутник следовал за ним по пятам, в то время как тот, что окликнул Женьку у ограды, сел за руль, чтобы подогнать к домику машину. Однако, ступив на крыльцо и услышав грозное рычание Тумана из-за кухонной двери, бесцеремонные гости остановились.

– Собака не тронет? – все так же требовательно спросил старик.

– Она закрыта, – ответила Женька, стараясь не показывать своего удовлетворения тем, что Туман заставил притормозить спесивого старика, явившегося к ней в дом так, как будто он был здесь полноправным хозяином, а не случайным гостем. Но она тут же простила ему бесцеремонное поведение, как только увидела, с какой поспешностью он бросился к лежащему на полу сыну:

– Влад! Господи! Я уже и не надеялся.

– Все в порядке, пап. – Влад приподнялся на локте, но тут же закашлялся.

– Что с ним, Семен Ильич? – Загорев-старший оглянулся на пришедшего с ним мужчину.

– Сейчас посмотрим. – Названный субъект тоже присел перед Владом.

– Прострелено левое легкое, – сказала Женька, но ее словно и не услышали.

– Будьте любезны, – развязывая простыню, обратился к ней Семен Ильич, – попросите шофера принести сюда мои чемоданы.

Просьба была высказана в форме распоряжения, и вообще вся эта компания начинала не на шутку раздражать Женьку, но все же она сочла возможным сделать то, о чем ее просили.

Исключительно ради того, чтобы они побыстрее сделали все, что им нужно, и как можно скорее уехали отсюда.

Один из принесенных чемоданчиков, открытый хозяином, оказался чем-то вроде переносного хирургического столика, второй содержал как будто портативную диагностическую аппаратуру. Видно было, что далеко уже не в первый раз приехавший доктор оказывает первую помощь, так сказать, в полевых условиях. С помощью мужчин Влад был поднят с пола на диван, после чего Семен Ильич, закатав рукава и надев халат, начал колдовать над ним, используя лежащие на столике инструменты. Делал он все под местным наркозом, что дало возможность Владу, время от времени все же морщившемуся от боли, разговаривать с отцом.

– ...возможно, это я виноват, и все это из-за «Психеи», – говорил Загорев-старший. – Макаров в последнее время принялся не на шутку давить на меня, чтобы я передал ему свою часть акций. Аппетиты не в меру у него разгорелись, и что-то он начал в последнее время с ней мутить. Но наверняка знал, что я не одобряю его диких методов, вот и решил в самостоятельное плавание уйти. А я, не имея ни малейшего желания терять в «Психее» свою долю, но понимая, что у него есть ко мне подступы, переписал эти акции на тебя. Вот он и мог, узнав обо всем...

– Вряд ли, – не согласился Влад. – Он попытался бы вначале выйти на меня и договориться. Шутить он не любит, это верно, но ведь, убрав меня, он вряд ли чего-то добился бы, а действовать просто из мести – это не в его характере.

– Как же, не добился бы! – возразил ему отец. – Твоя Элка унаследовала бы половину всего, а ее купить проще коробки спичек.

– Может быть, – согласился Влад. – Но все же, кроме Макарова, я еще немало кому мешал. Взять хотя бы тех ребят, с фабрики, которых я на аукционе обошел. Избавившись от меня, они еще могли ее откупить, сегодня я как раз должен был подписать договор...

– У тех ребят масштабы не те, – возразил ему отец.

– Не скажи, бабки там вертятся немалые, есть ради чего побороться, и было из-за чего обозлиться. Но как бы там ни было, а сейчас мы можем строить только догадки, – сказал Влад. – А ты как узнал обо всем? Когда я тебе позвонил, ведь ты был уже в курсе событий.

– Машину твою утром нашли, – ответил старик. – Была спущена под откос за железнодорожным мостом, обгорела вся, но номера удалось установить. По ним и вышли на меня как на ближайшего родственника, ведь Элка твоя, как всегда, на курортах.

– Жаль. – Лицо Влада омрачилось. – Хорошая была «Тойота». Но что поделаешь, сам виноват: выронил ключи, когда меня подстрелили, а поднимать их было уже некогда. Активные за меня взялись ребята. И что самое интересное – информированные. Они знали, и где меня ждать в этот вечер, хотя я нечасто езжу той дорогой, да еще так поздно, и что я поеду один. Ведь рассмотреть в неосвещенном салоне, что именно я лично сижу за рулем, они не могли. Но выскочили из-за угла, когда я притормозил на повороте, и сразу пальнули в лобовое стекло, учитывая все особенности моего роста. Если бы я не успел пригнуться за какую-то долю секунды до выстрела, то по всему салону бы мозги раскидало. А потом я дал по газам, думал, уйду, а они – в свою машину и за мной, умело отрезая мне дорогу в город.

– Да, – подвел итог Загорев-старший, – намерения у кого-то были самые серьезные. И судя по тому, что ты мне сейчас сказал, возможности тоже были не из последних – похоже, что кто-то из наших же их подробно осведомил.

– Вот почему я и попросил прислать сюда только Корнея. – Влад посмотрел на шофера, который, судя по сложению, вполне мог быть еще и телохранителем.

– Спасибо, Влад, – скупно улыбнулся тот, оценив оказанное ему доверие.

– Если уж не тебе, то не знаю, кому больше и верить, – ответил Влад. – А тебе, пап, не стоило приезжать. Ведь кто знает, может, начали охотиться не только на меня, просто я первым попал на мушку. Ведь что ни говори, а как раз твои некоторые партнеры, из «старой гвардии», до сих пор все никак не могут перестроиться на цивилизованный лад, и именно их

«срывает» чаще всего на прежние, дикарские методы ведения дел. Как будто они все еще в своих девяностых.

– Вот, возьмите. – Женька вспомнила про номер телефона, который дал ей один из бандитов, и, поколебавшись, кому бы отдать, протянула его Корнею. – Может, это чем-то сможет помочь.

Она изложила детали своей утренней встречи, рассказала про машины, вчерашнюю и сегодняшнюю, и про розыски. Обращалась тоже к Корнею – из всей компании он вызывал у нее наибольшую симпатию.

– А как же ты справилась со всем? – удивился он. – Особенно вчера?

Женька коротко, лишь в общих чертах, рассказала ему, единственному, кого это заинтересовало, об их с Туманом ночных злоключениях.

– Значит, они, вероятнее всего, должны теперь думать, что ты утонул. – Оказывается, Загоров-старший тоже слышал Женькин рассказ, но обращался опять к сыну, как будто Женьки и вовсе не существовало. – Что ж, это нам на руку. Пока они так думают, они не будут тебя больше разыскивать и почувствуют себя спокойнее... Вот что, моя дорогая, – тут он соблаговолил наконец обратиться к Женьке, – Влад поживет здесь еще несколько дней.

Это небрежно брошенное через плечо сообщение стало последней каплей. Женьку провало. Не к такому, совсем не к такому обращению привыкла она, воспитываясь со своими интеллигентными стариками. И даже грубость матери ничего не могла впоследствии изменить.

– Вот что, – сказала она, подражая Загорову-старшему, – я была бы вам очень благодарна, если бы вы несколько изменили свой приказной тон. Или вам стоит напомнить, что я не вхожу в число ваших подчиненных?

Он повернулся к ней, на этот раз всем корпусом, в его взгляде промелькнуло надменное удивление.

– Я просто подумал, что не для того вы спасали моего сына, чтобы снова подвергать его жизнь опасности, – сказал он. – Если вы слышали, о чем мы сейчас говорили, то должны были понять, что я не могу пока отвезти его домой, как собирался до этого, потому что кто-то из наших людей, возможно, причастен к этому покушению. И я ему не защитник, потому что сам могу стать следующей мишенью. О безопасности же в наших больницах и вовсе говорить не приходится. А сам Влад, как вы понимаете, пока не в состоянии себя защитить. Кроме того, я хотел бы сохранить пока в тайне сам факт его спасения и не хотел бы афишировать характер его ранения. Я, разумеется, заплачу за причиненные неудобства.

– Вот только этого не надо. – Женька не удержалась от брезгливой гримасы при мысли, что все ее страхи, все ее душевные порывы этот человек готов обозначить вульгарной денежной суммой, к тому же в полицию он, как поняла Женька, по поводу покушения на убийство обращаться не собирается. А это могло означать лишь, что, завуалированная под респектабельных людей, восстанавливать справедливость эта компания собирается далекими от законных методами. – Привезите лучше своему сыну провизии, а то мой рацион для него неприемлем.

– Хорошо, – тут же согласился Загоров-старший. – Я пришлю с Корнеем все необходимое.

– И лекарства, – подал голос закончивший свою работу Семен Ильич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.